

Виктор Петров Аввакум. Распря

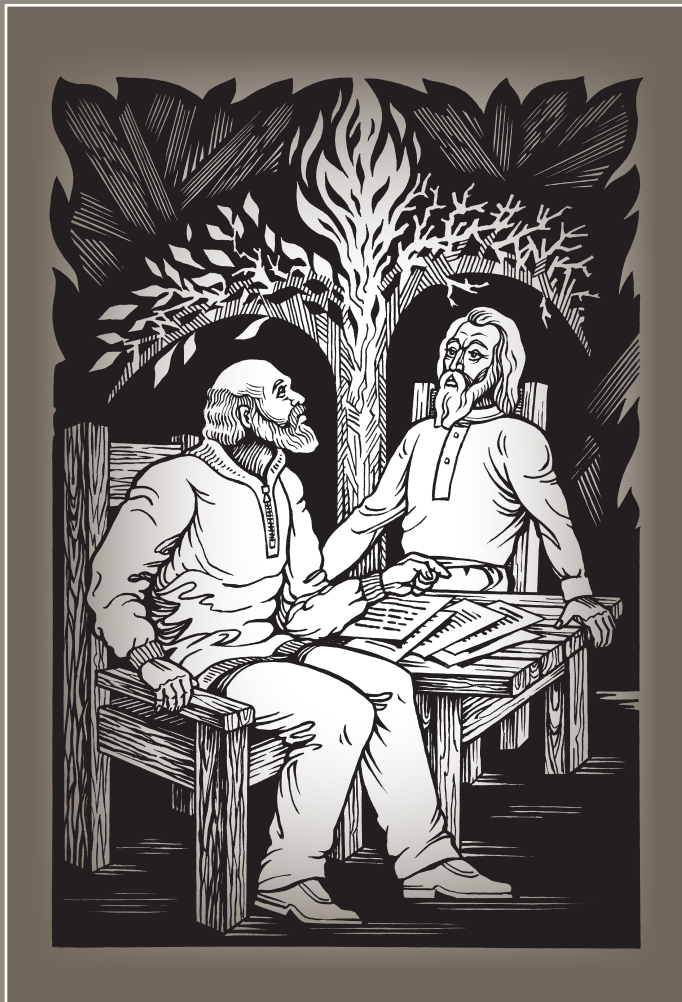
Аввакуму Петрову
ко дню его
400-летних именин
(15 декабря)

АВВАКУМ. РАСПРЯ

Виктор Петров

Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение
Тобольска»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Иллюстрации:
Александр Шибанов

Дизайн:
Василий Валериус

Фотографии:
Павел Кривцов

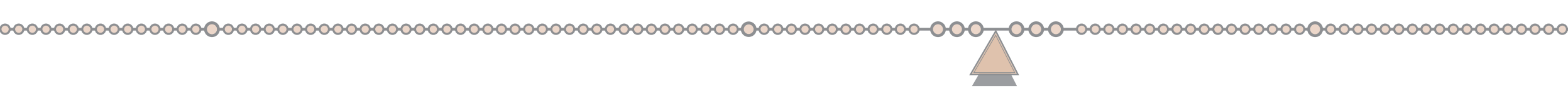
@
В.М. Петров, текст,
2021
@
А.Г. Шибанов, иллюстрации,
2021
@
В.Е. Валериус, дизайн,
2021
@
Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение Tobольска»,
2021

Фонд «Возрождение Tobольска» имеет богатый опыт издания поэтических книг. Но драматическая поэма Виктора Петрова «Аввакум. Распря» довольно редкое явление в современной российской литературе. Необычна она именно поэтическим раскрытием одного из ключевых моментов отечественной истории. Как говорится, «историю пишут поэты», хотя, конечно, этим не умаляется значение исторических исследований.

В поэме, написанной к 400-летию со дня рождения Аввакума, — «неистового протопопа», как его часто называют, — автор опирался на десятки источников, включая аутентичные тексты из творений своих героев, древнерусские повести, жития и труды профессиональных историков. Он искал и находил всё необходимое и достаточное, что пробуждало мысль, вызывало поэтическое вдохновение, но не входило в противоречие с фактами биографии персонажей поэмы. Ещё до публикации поэмы автор разослал её текст друзьям-поэтам, историкам, критикам для возможных замечаний и уточнений. Поэма получила многочисленные восторженные отклики. Что немаловажно, её приняли как старообрядцы, так и православные читатели. Это и побудило нас издать поэму отдельной книгой в уже хорошо известной читателям Сибири и всей России серии библиотеки альманаха «Тобольск и вся Сибирь».

Чувствуется глубокое проникновение Виктора Михайловича в столь многосложную тему. По признанию самого автора, личность протопопа Аввакума занимала его всю сознательную жизнь. В сборнике стихов «Колчан сибирских стрел» (Москва: Глобус, 2002) он публикует цикл стихотворений под общим названием «Аввакум», созданных ещё в прошлом веке. Но поэма, не повторяя ни строчки из ранее созданного, в образах, лицах и диалогах раскрывает саму природу распрей, раздоров, противоречий среди людей, равно любящих Россию.

Эта поэма окончена была в 2020 году. Язык её, с довольно сильным содержанием духовного вещества поэзии, понятен. Это корневой русский язык. Прямая речь героев и персонажей поэмы удивительным образом лишена ожидаемой в подобных

исторических сюжетах стилизации, чернения под старинное серебро. При чтении поэмы создаётся устойчивое ощущение, что так думали, так мыслили, так негодовали и восхищались люди на исходе XVII века. Но похоже мыслит и человек XXI столетия, сколько ни влияла на него мода на новые словечки и обороты. Мода проходит, а слово как хранилище богатства души остаётся, соединяя пространство и время. В данном случае представляется уместным привести высказывание писателя Михаила Тарковского, созвучное поэтике поэмы: «Это и есть неделимость русского времени, слияние смыслов» («Енисей, отпусти!»).

Тобояки, естественно, обратили внимание на те страницы поэмы, где речь идёт о стольном городе Тобольске и эпической поездке Аввакума с женой и детьми по бескрайней Сибири до гор Забайкалья, до знаменитой Даурии. Такая духовная панорама близка сердцу коренного сибиряка, которым и является автор драматической поэмы.

С декабря 1653 года до отправки в глубину державы, на верную гибель, Аввакум служил протопопом Воскресенского собора города Тобольска. Если жители Европейской России (Юрьевец-Подольский) восстали против своего протопопа, не приняв жёстких методов нравственного оздоровления православных, заставив его бежать в Москву под защиту царя и единоверцев, то в Тобольске приняли крутого проповедника душевной чистоты, не гнушавшегося наказывать розгами за пьянство и дебоши. Да ведь он такой был не один! Супруга его, Анастасия Марковна, с грудным ребёнком и малыми детьми более чем на полтора века ранее прославленных жён декабристов последовала за мужем в ссылку! Она не только разделила все тяготы и лишения, но и оставалась для него верной и любящей помощницей. Патриарх Никон, понимая опасность для центральной власти бунтарской деятельности ревнителя старины, отдал приказ воеводе Пашкову мучить до смертного боя непокорного ревнителя благочестия, что тот истово исполнял. В поэме образ протопопицы выписан с удивительной нежностью, высвечивая в красках характер русской женщины.

В 1661 году в Тобольск был сослан друг Аввакума и пустозерский сиделец поп Лазарь, один из героев поэмы Виктора Петрова. Учёный серб Юрий Крижанич, знавший попа Лазаря по Тобольску и не разделявший его взглядов, всё же не мог не от-

метить, что стойкому староверу «в улицы бываху тесно и люди его под руки водиша». Так он описывал «ангельское опьянение» обличителя приверженцев западных нововведений в русский церковный православный обряд. На обратном пути из Даурии в Москву Аввакум и Лазарь встретились в Тобольске, чтобы уже не расставаться до самой смерти, до пустозерского костра.

Поэма Виктора Петрова не пересказ «Жития» Аввакума, не воспевание одного героя, не восхваление его, но поэтический срез особой исторической реальности, обнажающий сложные взаимоотношения разных по своим убеждениям людей одной культуры, трагической, переломной в жизни нашей страны эпохи. Приём эпитафий, порой обширных цитат из творений писателей и поэтов «бунташного века» не только переносит читателя в XVII столетие. Убедительно прописанные диалоги, страстные монологи героев, людская многоголосица (скоморохов, горожан, стрельцов, казаков) соотносятся и с нашим непростым временем, помогая решать и нынешние проблемы. Как же всё-таки удивительно живучи эти проблемы в тысячелетней российской действительности, как устойчивы черты нашего национального характера!

В поэме отношения между протопопом Аввакумом и патриархом Никоном раскрываются в душевно-диалектической сложности. Оба они ревнители православия, более того, земляки и друзья, но, как афористично замечает автор, — «С одной реки, но с разных берегов». Между ними вспыхивает не личный спор, не стремление властвовать над людьми, но искреннее радование о путях развития России, обоюдная боль от векового вопроса: «Куда несёт нас рок событий?» (Сергей Есенин). Мы знаем, что магистральная линия развития России более точно была предсказана Никоном, но тропы и дороги, пробитые последователями Аввакума, также вели в будущее. Словно рядом с надземной рекой, под её дном, образовалась река подземная, пробиваясь наружу воронками, ключами и родниками... Вода, питающая народ, едина. И истоки её — в глубинах отечественной истории, в православии. В диалогах героев поэмы происходит слияние этих рек, вселяя в читателя веру в неисчерпаемую силу России. Не осуждение той или другой стороны мы слышим, а призыв к единению во имя утверждения в полноте дарованной нам от предков жизненной мощи.

Каждый персонаж поэмы выписан как неповторимая личность, изъясняющаяся индивидуальным, характерным лишь для него языком. Мы не всегда помним, что русское слово «язык» — синоним не только понятия «народ», но и слова «человек». В этом несомненное достоинство поэмы, далёкой от идеологических речений. Дьяк Посольского приказа и справщик Печатного двора Савватий, реальное историческое лицо, привык говорить виршами на польско-немецкий лад, что, естественно, вызывает возмущение Аввакума, переходящее в добрую улыбку: природный «русак» (словечко Аввакума) должен говорить по-русски, напевно и свободно, как в народных песнях! Дьякону Феодору, яростному стороннику старого обряда, сведущему в «книжном учении», в богословии, следует не выставлять напоказ свою учёность и терпеливее относиться к простонародному взгляду на православную веру. Его Аввакум и любит и обличает одновременно. А вот инока Епифания, своего духовного отца, он любит безгранично, несмотря на то, что они очень разные — и по образованию, и по опыту жизни, и по речи. В поэме мы буквально слышим гимн мужской дружбе, глубоким духовным отношениям между единомышленниками.

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» около двух десятков лет сотрудничает с замечательным художником-графиком Александром Геннадьевичем Шибановым, который иллюстрировал и поэтические книги фонда.

Диалог поэта и художника в книге всегда является воплощением вещей необыкновенных: художник делает строгие строфы, в которых мерцают неуловимые душевные движения автора, более наглядными, зримыми, очевидными. Когда художник проникается замыслом и самим текстом поэтического произведения, он входит в некое таинственное единение с поэтом, оживляет словесный материал, как бы освещая его изнутри, и тем самым многократно увеличивает силу эмоционального воздействия на читателя.

Александр Шибанов своими великолепными графическими работами не просто украсил книгу, но воистину стал соавтором поэта. Особенно впечатляет изображение четырёх пустозерских сидельцев. Каждый из них находится в своей земляной тюрьме; их трагические фигуры разделяет и одновременно объединяет восьмиконечный православный крест.

Иллюстрации, созданные художником, расширяют текст, помогают читателю проникнуть в суть поэтического повествования. Живые и динамичны изображения скоморошьей ватаги с ребёнком в литовском островерхом колпаке; разговор на повышенных тонах Никона и Аввакума, энергичным жестом отстраняющего от себя всесильного патриарха, и многие другие. Особо отметим графику сибирской части серии иллюстраций: удивительные образы разбивающего лёд Байкала Аввакума, протопопы Анастасии Марковны, сына воеводы Пашкова и шаманского камлания. В своей совокупности они дают панорамный образ Сибири.

Из письма автора поэмы В.Петрова издателю А.Г. Елфимову: «Уважаемый Аркадий Григорьевич! ... Общее впечатление — потрясающе! Александр Геннадьевич много добавил к слову, усилив поэтический текст. Даже то, что у меня было в задумке, он сам прочувствовал и реализовал, без всяких пожеланий с моей стороны. Такое глубокое проникновение в поэму! Александр Шибанов — не иллюстратор, а соавтор. Буду ещё смотреть, всматриваться, вчувствоваться. Но — благодарность переполняет моё сердце. Спасибо Вам! Спасибо Шибанову! Храни вас Господь!»

В иллюстрациях к поэме взят за основу тёмный фон, на котором ярко выделяются светлые фигуры союзников, этот приём создаёт атмосферу напряжённого драматизма в противостоянии света и тьмы.

Большая часть работ в творчестве художника посвящена религиозной тематике и представителям духовенства.

В 1988 году А.Г. Шибанов принял участие во Всесоюзной выставке «Слово об Отчизне», посвящённой 1000-летию Крещения Руси, и был удостоен Благодарственного Гербового письма с благословением от Патриарха Московского и Всея Руси Пимена.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей и, надеемся, найдёт отклик в их сердцах.

АВВАКУМ. РАСПРЯ

ЛИРИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Приду к тебе:
— Всё пишешь «Аввакума»?
Присяду рядом,
Твой собрат духовный.
Скажу:
— Был прежде дерзким ты,
Был юным,
А стал покорным
Думам безгреховным.

Огонь под спудом
Разгорелся в яви,
Да борода торчит седой лопатой,
Всё мыслишь и скорбишь,
Но больше — правишь,
И рукопись испещрена богато.

Рука дрожит,
Душе понятен почерк,
До буковки всё разберу спокойно,
Между живым и умершим —
Не прочерк,
Но время,
Что клубится своевольно.

И в этот миг не Аввакум —
Аввакум,
(Бей в это «аз»!),
Овладевает нами...

Не можем свидеться,
Но намекни хоть знаком,
Что живы мы
И над,
И под крестами.

С ЧЕГО НАЧИНАЛОСЬ. ВСТРЯСКА

Люто время... Та же меня взяли от всенощного Борис Нелединский со стрельцами; человек со мной шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью.

Аввакум. Житие

Москва, август 1653 года. Собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади перед Монетным двором на углу Никольской улицы. По приказу патриарха Никона отряд стрельцов нападает на прихожан, прерывая службу. Всех вяжут «ужом». Поджигают сарай, где тайно Аввакум вёл службу по прежнему обряду.

Стрельцы: — Еретики, отступники!
— Всё сжечь!
— Ты, протопоп, начальству не перечь.

Аввакум (прикован к каменному столбу, ночь):

Не крыша неба —
Время прохудилось.

Гроза, громыхает, все разбредаются, он остаётся один.

«Свят, свят, свят,
Господь Саваоф!
Исполнь небо и земля
Славы Твоея».

.....

Молюсь, не помню сколько.
Долго.
Очами сердца вижу Волгу:
Из золота два корабля
Плывут, не шелохнув поля,
Шуршат по солнечной меже,

И вот — скрываются уже.
За ними — третий,
Всех цветов!
На нём аз, Аввакум Петров,
С женой, с детьми, с самим собой
И с крепкою своей судьбой.
И вот на этом корабле
Мне плыть по современной мгле.
И Бог мне освещает путь,
И небо просвещает грудь.

МОСКВА. ПАТРИАРШИЙ ДВОР

*Егда же розсвetalо в день недельный, посадили меня
на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора
до Андроньева монастыря, и тут на чепь кинули.*

Аввакум

Никон (в сопровождении стрельцов):

Аввакум, что яришься, мал ещё, чтобы с государем-светом
препираться. Да не надувай ты щёк, не буравь меня глазом.
Довольно кусаться, зараза! Всех несогласных со мною в ссылку
отправил, а тебя и подавно упеку. Одумайся и подчинись мне.
Слышишь, что реку? Сам царь меня поставил в патриархи!

Аввакум: Ох, напугал! Ох, охи, ох и ахи!

Никон: Да я тебя замучаю, сгною, и память о тебе истрачу в поколение.

Аввакум: Аз наше православие люблю,
Встаю лишь перед Богом на колени.
Ты без году неделя патриарх,
А уж в тебе зашевелился враг.

Никон: Да мы с тобой с одной реки, Петров.

Аввакум: С одной реки, но с разных берегов!
И Волга не вперяется в Дунай.
Как хочешь, так меня и понимай.

Никон: Мы — Третий Рим, пустая голова!

Аввакум: Не третий Рим, но первая Москва!
Нам предками оставлено наследство.

Ты лучше, Никон, вспомни своё детство,
И, может быть, одумаешься ты.
Сложи, как твой отец, лукавые персты,
И в памяти молитвы оживи.
Всё это — Спас на родовой крови!

Никон: Пора взрослеть и выходить на путь
Вселенский...

Аввакум: Тьфу ты, проклят будь!
Шагай хоть в Рим, хоть к турецкому султану,
Тебе, изменнику, прислуживать не стану.

Никон: Стрельцы, ко мне! Вор просится в темницу.
Не хочет царской власти подчиниться!
Попотчуйте-ка пустосвята батожьем.

Стрелец: Лишь прикажи, сожрём его живьём!

Аввакум: Эй, стрельцы,
Подтяните штаны,
Спрячьте гузки!
Не научит вас Никон
Креститься по-русски!

*Аввакума везут в сторону реки Яузы, на пути появляется ватага
скоморохов.*

Скоморох-ребёнок: Глянь-ка!
Чучело рваное
Лошадь везёт.
Полюбуйся, народ!

Скоморох 1: Да ведь с Юрьевца это лихой протопоп.
Ох, не любит он нашего брата, ни смешных прибауток.

Скоморох-ребёнок: Едет, едет!

Скоморох 2: Круто тогда он приладил медведю,
Тут впрямь не до шуток.

Аж на зад наш Потапыч уселся —
И зенки с колёса!

Скоморох 1: Глянь, как побили, помяли,
Видно, с пристрастья, с допроса.

Скоморох 2: И поделом. Нам такого вояку не надо,
Чёрт из зада.

Скоморох-ребёнок: Что он руки так простёр?

Скоморох 1: Так цепями растянули.

Скоморох 2: Патриарх сказал: он — вор!

Скоморох-ребёнок: В чём же поп-то виноват?

Скоморох 2: Говорят, что хаял власти.

Скоморох-ребёнок: Как и мы?

Скоморох 1: Какие страсти! Свят! Свят!

Скоморох-ребёнок: Послушайте, он что—то говорит!

Скоморох 2: Да это он железами гремит.

Аввакум (бормочет):

Москва! Среди лесов — ожог,
Горит в мозгу твой лик картинный,
Охвачена кольцом дорог
В пересечениях паутинных.
Я не люблю тебя, Москва!
Когда мечтаю — ты прекрасна,
Когда страдаю — ты ужасна,
Я не люблю тебя, Москва.

Скоморохи (устроили балаган):

— Это оборотень?
— Бора тень.

— Где ворота Боровицкие
Снова бору появиться ли?
— Был лес,
Нонь — бес.
— А я вот, сердце веселя,
Гляжу на гребешки Кремля!

Аввакум: Гонял аз, лицедеи, вас,

Да ныне расплодились сильно,
Знать, любит веселиться власть,
Да и пожрать, поспать обильно.
Эх, православная столица:
Царица в зеркальце глядится,
А царь, забыв, как было встарь,
В театр превратил алтарь.

МОСКВА.
АНДРОНИКОВ МОНАСТЫРЬ

Кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дня, ни ел, ни пил, во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно... После вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потёмках молитву сотворил, и, взяв меня за плечо, с цепью к лавке привёл и посадил, и лошку в руки дал и хлеба немношко и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши!

Аввакум

Юродивый *(крутится возле монастырских врат, стрельцы отгоняют, народ прислушивается):*

Батюшка мой Аввакум, ну куда
Спрятали Господа, к Ироду тянут?
Эко в Москве моей стала беда!
Пьяные кровушкой,
Слёзами пьяны.

Бог всё оплатит.
Плачевный удел.
Кто соберёт мои буковки в слёзы?
Всё я сказал вам, всё, что хотел,
И не страшат меня ваши угрозы.

(Поворачивается к глухой монастырской стене.)

Кланяюсь аз до лика земли,
Всех целованьем духовным целую.
К Богу пути меня привели,
К слову единственному:
«Аллилуйя».

Москвичи *(подходят к нему, не позволяя стрельцам прогнать юродивого):*

— Аллилуйя! Аллилуйя!! Аллилуйя!!!

— Кто твой наставник? —
Спросит стрелец.
Ты ж отвечай:
— Небесный Отец!

Так и трещит голова,
Что невмочь.

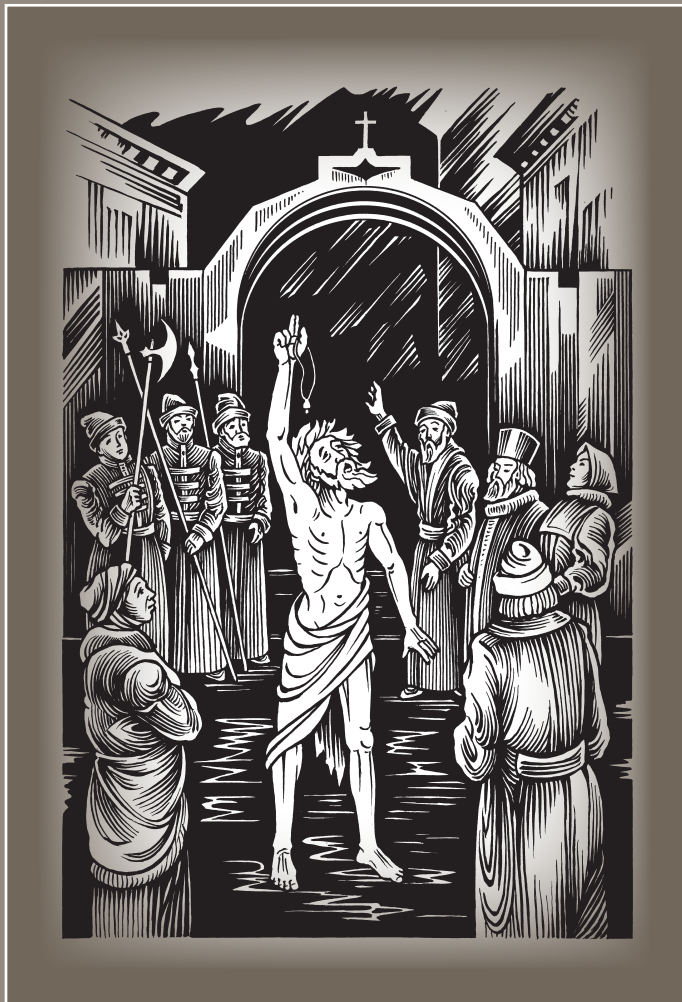
Станут пытаться —
Никого не порочь!

«А кто кого знает,
И кому кто по совести бывает,
Тот и вопрошает»

Так старец Авраамий учит нас,
Припоминайте это в страшный час.

Аввакум *(в темнице после ночной молитвы):*

Тесно истине в горле моём...
Неприютное место.
Чую, это начало пути.
Подвиг или смирение милей?
Долго ль мне подземелья терпеть?
Только крысы даны мне в соседство.
Ну же, нюхайте кровь мою,
Ну, подползайте смелей.
Будто древний пророк я,
Такие огромные цепи —
Можно голову в кольца продеть
И себя удавить.
Что же люди так слёпы, так глупы,
Перезрелые дети,
Что же так крысы добры,
Словно тыквы у бедной вдовы?
Протекает луна,
Перемешан свечением сумрак,
Можно путь обозреть,
Чтоб сковать из него житие.
Что стрелец государев,
Что дикий от ярости турок,
Каждый, родненький,
В сраном грехе преуспел
И поратовал мне.

О себе ли тужу?
Да не очень...
Что будет с женою,
Что с моими детьми?
Им за правду со мною стоять.
Нет и тени вины их,
Только слиться с моею виною
Им придётся —
И вместе мы станем
Страдать.

*(Подходит к высокому, под самым каменным сводом, оконцу,
брезжит рассвет.)*

Третьи сутки я здесь.
Господи, как же хочется есть.

Появляется ангел с дымящейся чашею.

От этого святого брашна
Не отвернусь и в грозный час.
Когда немыслимо и страшно,
Пою любовь, перекрестясь.
Великий голод человеческий!
Кто мне явился? Кто исчез?
В безмолвии небесной речи
Охватываюсь светом весь!

Входит дьяк Сибирского приказа, справщик Печатного двора Савватий.

Савватий: Здрав буде, протопоп. Всё Божью жизнь ведёшь?

(Кланяется.)

Царь тужит по тебе...

Аввакум: И что ж?

Савватий: Царь сильно тужит...

Аввакум: Ну же!

Рожай, что велено.
Наказ царя каков?

МОСКВА. ПРЯ НИКОНА И АВВАКУМА

Савватий: Ты с патриархом, ну...
Хоть для отвода глаз...

Аввакум: И это весь от Алексея сказ?

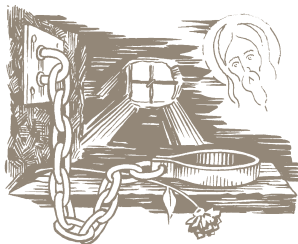
Савватий: Ты и в палатах мог бы быть святым!

Аввакум: Не отвести мне рук от Высоты
И не подать их латинянам да иудам.
Покуда жив, не подчинюсь паскудам.
А о царе — молюсь. Ты так и передай,
Да не сглотнут никониане втай...
Как он меня, бывалочи, с детьми
Любил и баловал до этой кутерьмы,
До блуда Никона, до голой тьмы,
До мраза еретической зимы.
А ты, Савватий—справщик, всё проспал.

Савватий: Я просто дьяк, я слаб и мал.

Аввакум: Воруешь? Играешь?
Юродствуешь глупо,
Комедью ломаешь
Изнанкой тулупа.
Полвека в постели?
А сколько осталось?
Три дня? Три недели?
Иль большая малость?
Благ, благообразен,
Трясёшь бороною,
А враг безобразен,
И жив он — тобою!

Савватий молча кланяется и уходит.

*И привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедне на пороге
долго. Государь с места сошёл, приступя к патриарху, упросил.
Не стригше отвели в Сибирский приказ...*

Аввакум

Никон (входит в темницу с караулом стрельцов):

Ну что, одумался? Государю дерзить — не есть не пить.
Давай-ка потолкуем.
Суд над тобою неминуем и от моей ты не уйдёшь грозы!

Аввакум: Молитвенное правило прервал...

Что, не терпелось?
Ажно весь опух
От хульных помышлений!
В сердце целясь,
Ты голос мой затмить пытаешься и слух.

(Обращается к стрельцам.)

Ну что рогатины воткнули, словно уды?
Пищали запалить! Командуй, голова.
А я молиться, как молился, буду,
Отца и деда повторять слова.

*(Продолжает утреннее молитвенное правило, читая Символ веры
с «азь», выкинутым Никоном.)*

Никон: Да не яришь, рядком поговорим. Я ведь России счастья жажду.
А что в цепях — так это будет с каждым, кто опорочит словом
Третий Рим.

Аввакум: Аз уж сказал тебе:

Есть первая Москва!
Зачем нам цареградское паденье?

Своею древностью страна жива
От Володимирова крепкого коренья,
От Долгорукова живого расширения
И от святого Сергия смиренья.

Никон: Да неучами были предки наши,
Поспрашивать нам лучше греков...

Аввакум: Падших!

Никон: На прежнее вернусь. Ты был мальцом, а я с твоим беседовал
отцом. Хорош был Пётр, во всём послушным... И ты меня, как
старшего, послушай.

Аввакум: Ему всё было в радость и веселье,
Под вечер — хмель, с утра — похмелье.

Никон: Смотри! Покорны люди моей власти! Все крестятся уже тре-
мя перстами.
Так будь же с нами!

Аввакум: С вами?
И без Бога!?
Без Бога, Никон, нам ни до порога.

Ты всё киваешь на поруганный Царьград,
На римскую убогую науку,
Когда родные светочи горят,
Отцы святы! Протяни к ним руку.

Никон: Да разве я не за Святую Русь? Дай Бог, вот только с силой со-
берусь!

Аввакум: Всех дел-то, — говоришь ты мне, —
Слова иначе чуть, персты иначе,
Всё ж остальное, как и встарь, вполне
Сохранено.
Я слушаю и плачу.
Иначе чуть? А жизнь-то утекла!

От пули рана малая бывает.
Но струйка крови душу увела,
И ей уже не радоваться раю.

Никон: Всем равно далеко до рая. Что надо людям? Жить в тепле и сласти. Для этого и существуют власти. Отцы у нас не знали ни рожна, иных умов возжаждала страна!

Аввакум: Дворцовый свет тебе, владыце,
А мне духовный свет в темнице.
Какой из них вернее будет?
Господь рассудит, а не люди.
И всем воздастся по делам,
И за молитву, и за срам.
Ты, Никон, веру искривил,
Ты — православие порушил,
Ты — загубил живые души
И строишь Церковь на крови.

Никон: Знаю, су, таких я пустосвятов! Греховен человек, а царство — свято. Не знаешь сам, Бакуня, что творишь. Не протопоп ты, а разбойник, шиш дорожный. Ну-тко, на колени! И где твоё смирение?

Аввакум: Пред Богом встану! Перед Ним я — прах.
А ты мне враг, никак не патриарх,
Мы просто земляки с одной реки,
Всё будет ложью, что ни изреки,
Заткни свои пустошные глаголы
Под баб венецианские подолы.

Никон: Ты это брось! Стрельцы, заткните уши! Велю — еретика не слушать!

Аввакум: Гей, стрельцы, натяните штаны, спрячьте гузки,
Не научит вас Никон молиться по-русски.

Никон: Да ты бунтарь!

Стрельцы: В Сибирь его, в Сибирь!

Аввакум: А ты — на трон, изменник и упырь!

Никон: Всей патриаршей силою своей Русь поверну к духовному простору. Не будет места блуднику и вору, не будет непростительных затей, все подчинятся каменной Москве.

Аввакум: Гордыня в твоей глупой голове.
Довольно врать! Не врач ты, а палач,
Лишь зубы заговаривать умеешь,
Как римский Колизей, они чернеют
И криво сыплются. Не смейся, лучше плачь.
Покайся, Никон, в собственных грехах,
Не искривляй отеческого слова,
Не слишком ли пытаешь ты сурово,
Тела трепещущие обращая в прах?
Тебе молитвы предков — нипочём,
А чем иноязычнее, тем лучше,
Что впору воском заливать нам уши
И чистить твою рожу кирпичом.

Никон: Ты враг мне, бывший мой собрат. Ни от кого таких потоков брани не слышал я. Уйми своё восстанье... Но всё же ты в одном, как вижу, прав: мне книги наших предков — просто прах. Мы все их перепишем...

Стрельцы: — Смотри, нашла коса на камень!
— Дык, не размахивай руками.
— Власть у косы.
— У камня сила.
— Да как бы власть нас не скосила!
— Кем царь доволен, тот и прав.
— А у кого покруче нрав?
— Пожалуй, что у Аввакума.
— Вот то-то, лучше бы подумал...

Никон удаляется, стрельцы встают на караул.

Аввакум (вослед):

С дураком никакого нет слада,
Вишь, шарахнулся, геть за столбец.
«Гроздь горького винограда»
Я бы всыпал тебе, стервец!
Сучий сын ты, собака косая,
Сколь напакостил русских книг,
Душу чистую в них вырезая,
К римской чаше всем рылом приник!
Вот дурак-то, ни дать и не взять.
Эй, стрельцы, не меня вам вязать!

КРЕМЛЬ, СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ. АВВАКУМ И САВВАТИЙ

*...Припади, брате, к старине той гонимой всем сердцем и всею душою!
Тут лежит живот наш, весь сокровен в Бозе, а ты их лаешь, блядин сын:
подобает-де и старые книги править.*

Аввакум

Аввакум: Слова молитв твержу я наизусть,
И каждый раз они как бы впервые,
Одни и те же, но чуть-чуть иные,
И в них всечасно воскресает Русь.

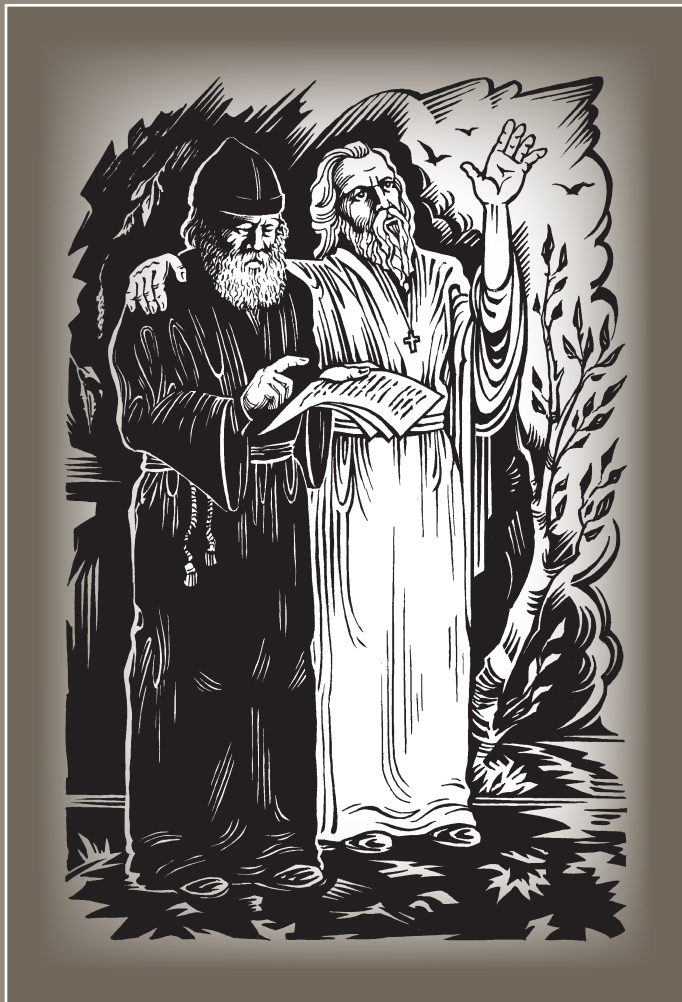
Когда бы хоть травинку в речь вплести,
Родную, острую, с полей зеленооких!
Замучили латинские осоки
И лавры, что в России не в чести.

Я вижу, как склонилась наша речь
К созвучьям заходящего светила,
И чудища топорщатся из ила —
Мертворождённые слова, сиречь.

Ласкают звуки дух. И оттого молитва
Не устаёт быть новой за века.
Савватий, речь должна быть так легка,
Как лёгок хлеб, что из родного жита.

Савватий: Так что же, перестать нам рифмовать?

Аввакум: Рифмуй, чудака, да не как польский тать.
Напевность нашей речи такова,

Что жизнью наполняются слова,
Природной новизною им звучать.
Сама находит, как тревожить слух.
Речь, словно вдох и выдох — Дух!

Савватий: Поэты мы Печатного двора,
Создатели духовного союза,
Российской речи, русского пера
Мы укрепляем вековые узы.

Аввакум: Добро бы так.
Да вот стихи кургузы.
В народе гладко так не говорят,
И не рифмуй ты всё, что есть, подряд.
В полку не строй свободные созвучья,
Не на плацу!
Ты ж хочешь лучше,
Витиеватее, учёнее сказать...

Савватий: Как польский тать...

Аввакум: Вот именно, как тать.
Но не поймут, сочтут за измышление,
Не ляжет на сердце твоё творенье
И не войдёт в иное поколение.

Савватий: Послушай, это ангел мне напел.

Аввакум: Послушаю, коль важных нету дел.

Савватий (читает с листа отрывок из своего сочинения

«Наставление ученику»):

«Аще и двоестроцием называется,
Но обаче от того же Божественного Писания избирается...
Прочее буди паки покровен вышнего десницею,
Да воздаст ти разума и смысла сторицею...
Философские обычаи и нравы научат,
О всякой хитрости прилежание нам упражняться велят».

Аввакум: Ну, хватит, хватит! Всё смешал ты воедино!
Что философия? Ничто! Нет ни ствола,
Ни кроны нет, ни песни лебединой,
Где и берёзка девкой весела!
Искусственные хитрости свои
Для ляхов на потеху сохрани.

Савватий: Зачем ты так? Есть рифмы. Тропы...

Аввакум: Да ты, Савватий, просто недотёпа,
До русской речи так и не дотопал.

Савватий: Европы учат, как стихи творить.
А как ещё их сочинять?

Аввакум: Свободно!
Как сердце бьётся и как требует душа.
А в общем, самому тебе решать.
(Берёт его за ладони и раскрывает их.)
Положи науку на левую руку,
А Бога — на правую,
Что чуешь?

Савватий: Левая как бы отсохла,
А правая обернулась крылом.

Аввакум: Вот так и стихи.

Савватий: Но ляхи знают правила сложенья.
Пишу я, как диктует просвещение.

Аввакум: Не точен запад в русском переводе,
Но речь точна в раскованном народе.
Не риторством сильна,
И не науки буйством.
Не любо мне бесовское искусство,
Неведомо куда нас заведёт.
Ты слушай лучше,
Как поёт народ.

Да сам ты краше говоришь,
Чем чертишь на бумаге.
Так и глаголь о истине, о благе,
И пусть тебе текучие слова
Являются.
Забудь, что есть строка.

Савватий: С тобой не буду спорить. Ты мне люб,
Хоть неотёсан и в повадках груб.
Подай пример из собственных творений,
Яви передо мной орфический свой гений.

Аввакум *(напевно произносит)*:

«Се еси добра,
Прекрасная моя,
Се еси добра,
Любимая моя.
Очи твои горят,
Яко пламя огня.
Зубы твои белы
Паче млека.
Зрак лица твоего
Паче солнечных луч,
И вся в красоте сияешь,
Яко день в силе своей».

Савватий: Прекрасна песнь, библейская в ней сила.
О Церкви?
О жене Анастасии?
Всё — сильно.
Есть поэзия в России!
Песнь все мои творения затмила.

Аввакума уведят стрельцы к месту отправления в ссылку.

Савватий *(один)*:

Хоть я и дьяк Сибирского приказа,
А вот в Сибири не был до сих пор.
А он увидит, он почует сразу
Величие равнин и бездну гор,

Разливы рек с извивами на север,
На ледовитый берег, в полный мрак,
И многое откроется по вере,
А многое постигнется и так...

СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ. АВВАКУМ И АНАСТАСИЯ

*Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся,
да даст ми жену — помощницу ко спасению.*

Аввакум

Не знаю сам, о Церкви ли пою
Иль о жене возлюбленной, Настасье,
О чистом житие, о невозможном счастье,
О радости нечаянной в раю...

*Анастасия Марковна входит с мороза, раскрасневшаяся,
с новорожденным дитём на руках.*

Анастасия: Готов наш скарб, телега на дворе.

Аввакум: А наши крохи, наши дети?

Анастасия: Все готовы!

Аввакум: Вот будет развлечение детворе!

Анастасия: Особенно младенцу осьми дней.

(Даёт подержать ребёнка.)

Ты, просто вылитый!

Аввакум *(подшучивая)*:

Тебе видней.

Анастасия: Ох, худоба, худышка! Как измучен!

Преж, Аввакум Петрович, был получше!

Аввакум: Всё шутишь, милая, Анастасия-свет.
Не ты ль, мой ангел, принесла в тюрьму обед?

Анастасия: Конечно, ангел. Кто ещё быть может?
Плоть надо подкреплять.

Аввакум: И душу тоже.
Да много ль этой плоти-то во мне?
Слабей я лунной тени на стене.

Анастасия: Вот скажешь тоже!

Аввакум: Аз тобою ожил!

Анастасия: Да разве я на ангела похожа?
Ты погляди, какой сынок родился,
Пока в темницах ты, мой друг, томился!

Аввакум *(поднимает младенца, но смотрит на жену)*:
Как яблочко, его румяно тело!
Ты и сама, мой свет, помолодела!
(Возвращает дитя жене и обнимает их.)
Любовь велит быть вместе от венца
По жизни всей, до самого конца.
И если двое вместе собрались,
Меж ними Бог, а это значит — жизнь.
И третьему явиться в мир дано,
Окрашивая кровью полотно,
Что Божья Мать узорами расшила.
И в этом наша радость, наша сила.
Теперь у нас четыре ребятёнка.
Ох, милый малый,
Ты ещё в пелёнках,
Как выдержишь, мой сын,
Сибирский путь?
Там от мороза вольно не вздохнуть.

Анастасия: Жаль, что не взять в Сибирь телушки,
А курочку возьмём, хотя б одну.

Пеструшку в полушубок заверну.
Снесёт яичек, высидит цыплят —
И будет двор питанием богат.

Входят стражники и уводят Аввакума к месту следования.

Анастасия (одна):

Муж мой, я с тобой хожу по раю,
И любовь свою я не скрываю,
Разве двое нас? Одно навеки!
Берега не разделяют реки,
А в реке одна вода бежит.
Вместе быть всегда — какой в том стыд?
Радость в этом: видеть тебя, слышать
И идти всё выше, выше, выше...

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА. ДАУРИЯ

*То же послали меня в Сибирь з женою и детьми. И колико дорогою
нужды бысть, того всего много говорить, разве малая часть помянуть...*

Аввакум

Путь из Москвы в Сибирь (место отбывания наказания первоначально — город Тобольск, церковь Вознесения) занял время с 14 сентября по 15 декабря 1653 года. Вновь в Москве Аввакум окажется лишь весной 1664-го. Свои сибирские мытарства он подробно опишет уже в пустозерском заключении в «Житии».

Аввакум (тащит нарты, следом Анастасия Марковна):

Как трава растёт туман
Над страной...

Анастасия: Голубые эти травы,

Боже правый,
Над рекою ледяной.

Аввакум: Поклонюсь чужому краю.

Как горю я и пылаю...

Анастасия: Вновь туман передо мной

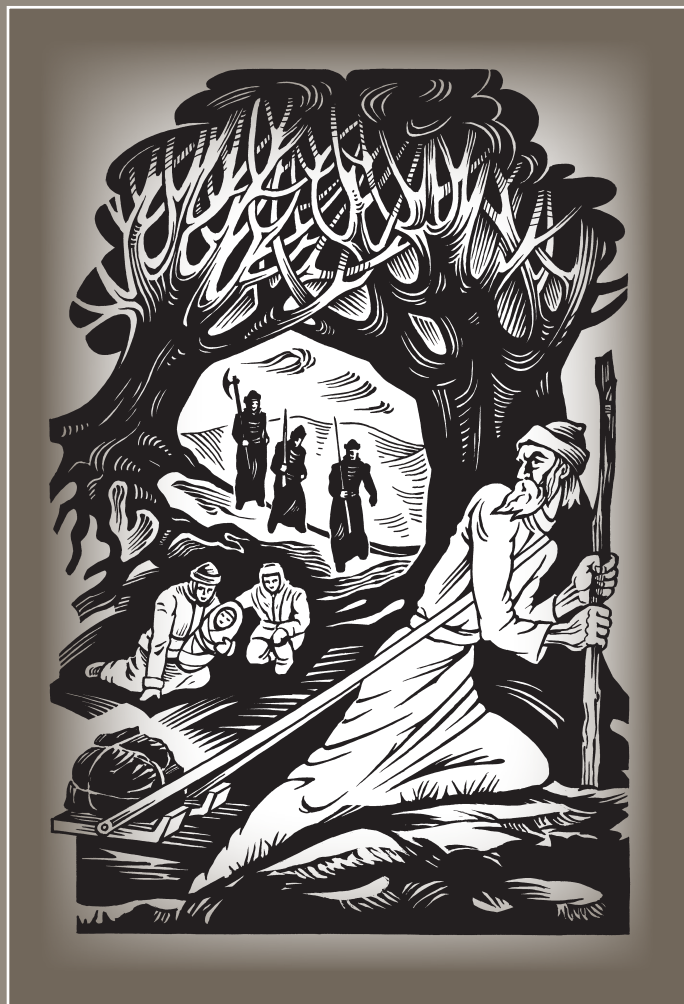
Встал немой стеной.

Аввакум: Пити охота, нету силы.

Анастасия: Потерпи же, друг мой милый...

Аввакум (бьёт в отчаянии кулаками по льду, лёд расступается):

Прорубь жажду утолила!

Туман усиливается, реальность искажается.

Аввакум: Сколько раз было нечего есть,
Синева, ледяные бродни,
Люди мёрли, и чую поднесь
Запах будто из преисподней.
Леденила реки полоса
Среди гор непролазных и диких.
Побуревшие, волглые лики,
Онемелые голоса...
Повалилась на блещущий наст
Моя Марковна, протопопица...

Анастасия: Долго ль муки такие для нас?

Аввакум: Тело жалуется,
Душа — молится,
Думы бьются о глыбы лбом.
(К Анастасии.)
Скользко, мразно на этом свете
И терпеть нам до самой смерти.

Анастасия: Что ж, Петрович, ещё побредём.

Аввакум (вспоминает):
Русь и Сибирь — дорога в два конца.
Запомню всё морщинами лица.
Вот иду, а, бывалочи, вновь упаду,
Словно томный,
Сквозь время ползу помаленьку.
Или это мне кажется,
И уж начал вмерзать?
Нет, корячусь ещё,
На руках, на локтях, на коленках.
И жена моя верная рядом,
И дети мои,
Ангарою прошли ледяные просторы.
И бредут со мной рядом,
Как звери сибирской земли,

По злой воле царя,
Устремляясь в голодные горы.

Нет, не дала Сибирь мне тишины,
Аз без вины гоним на край земли.
Мне жаль детей, мне жаль моей жены,
Нас всех на реку Лену повезли.
Два сына умерли, не выдержав мытарств,
От смерти нас спасали казаки.
А я им каши наварю и дам лекарств,
Да помолюсь на солнце у реки.

АВВАКУМ. КАЗАКИ

*И другой указ... в Дауры... И отдали меня Афанасью Пашкову в полк...
От Никона приказано ему мучить меня!*

Аввакум

Казаки: Ты посмотри!
Изюбрь-то наш здоров!
Да откуда берётся в нём сила?
Наш он, из голытьбы,
Сын достойный Петров.
Значит — камень.
Иначе — могила.
Эвон, на смерть впрягли
И погнали по льдам,
По торосам.
А глаза, что углы.
Посекут ледяные их косы.

Казак: Мы здесь с приказом от Пашкова,
Велел тебя он бросить в яму, в холод.

Аввакум: Гнобить меня, братцы, ещё не устали?

Казак: Да, тяжко...

Аввакум: Навыкли перстами выделявать кукиш,
Дерьма нацедили в святую чеплашку.
Предательством неба не купишь!

Аввакума бросают в яму.

Настырные крысы! Ударом скуфы.

А холод? — соломки немного.
Вновь тьма оковала, темней, чем графит,
Ни человека, ни Бога.
Сырою землёю придавлен живот,
Спина вся расписана гнилью,
И вши облепили, и блохи, и лёд
Сковал мои лёгкие
Крылья.
Вот так всё на брюхе.
Ну, дурачки!
Вы ждёте «Прости!»
Из могилы?
Осторожные башни темны и крепки.
Терпеть мне достало силы...

Казак: — Хорош наш поп!
— Не поп, а протопоп!
— Как воевода драл, аж кожа слезла!
— А он ему?
— Лишь словом, прямо в лоб.
— Что, пьяным был?
— Да что ты, трезво!

Аввакум: Уйми, ты, Владычица, дурня такого,
Не ведает сам, за что кости дробит.
Над нами державная воля Пашкова,
На Волге, Нерчѣ, на Тоболе, Оби.
Уж лучше б рассыпался тощий дощаник!
Он мучит, иль я его?
Кто б рассудил!
Обид не забыть мне.
Но всё же прощенье,
Прощенье ему,
Дабы впредь не блудил.

Казак: — Пашков суров.
— Не знаю, кто кого.
— Решил морозами замучить воевода,
Послал по льду Байкала одного

С женою Марковной.
Сказал:
— Вот, мол, свобода,
Слагай-де, мол, замерзшие персты.
— Дык, разъярился!
— Лучше бы остыл!

Аввакум: Лишь рвотная желчь от лихого начальства.
Да где ж его доброго ныне сыскать?
Всё рёбра ломают,
Готовы на части,
Коль сверху прикажут,
Страну разорвать.
И рад бы его обойти, горемыку,
Да всюду наткнёшься...
И бьёт меня в кровь,
И тащит
Немилосердно и дико
По страшным путям воевода Пашков.

КАЗАКИ НА МАРШЕ

О горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утёс каменный, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великия, в них витают гуси и утицы — перие красное, вороны чёрныя, а галки серыя... Ох времени тому!

Аввакум

Аввакум: За Шаманским порогом воды в бездну несут.
Вот Пашков-воевода, осерчась на мой суд,
Одного кинул с лодки на берег пустой,
И не помню, как выбрался, полуживой,
Этой полою, вздувшейся к небу, водой.
Он кричал мне вослед: «Еретик, по горам
Поброди, может, сгинешь ты там!»

Казак 1: За горечь обид
Прости, протопоп.

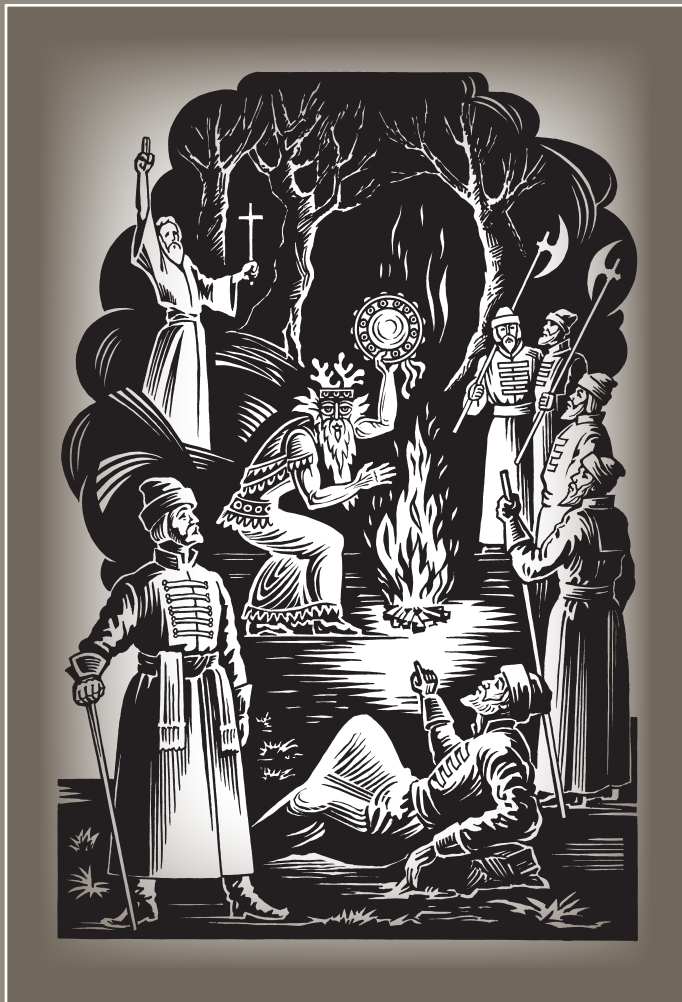
Аввакум: Бог простит, и я прощаю.

Казак 2: На монгольцев нас
Отправляют в поход.

Аввакум: На войну вас
Не благословляю.

Раздосадованный казак уходит, Аввакум остаётся один.

И так и сяк перебивайся
Ягнёнком в этой волчьей тьме.
Заледенели мои пальцы.
Тоскую о покойном дне.
Да где ж его найдёшь? Откуда
Я извлеку спокойный день?

Вот разве что случится чудо,
Мил-человеком станет тень.
Ни-ни! Такого не бывало!
Но в час, когда, созревших, нас
На крыльях в небо подымало,
Мы пальцы отвели от глаз.
Как тут сказать? Не те глаза,
Что называются очами,
А те, что нам горят ночами,
Что озаряют небеса.

Между тем собирается казачий круг.

Казачи (поют):

Во сибирской украине.
Во даурской стороне,
Да в даурской стороне,
На Нерче да на реке...

Казак 1: Атаман, зови шамана,
Пусть попляшет, погадает,
Его бубен без обмана,
Его духи дело знают.

Приводят шамана.

Казак 2: Что скажет батюшка наш?
Вражий у шамана раж.

Казак 1: Ты, шаман, скажи нам прямо:
В бой идти пора иль рано?

Шаман (исполняя языческий обряд):

Духи трёх миров!
Дым от ваших костров
Уходит в небо.
Будет — победа!

Аввакум (тихо):

Только чья?
Ох, жизнь бесконечная!

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

(Казакам.)

Не езжайте, казаки, вас побьют,
Оставайтесь лучше с жёнами тут.
Да не слушайте шамана, соврёт,
Вы ведь всё же православный народ.
Не с оружием воюйте — с крестом,
Не обилием гордитесь — постом.

Казак 2: Помолись, чтоб из монгольских степей
Сын Пашкова нас привёл, Еремей.

Аввакум: У кого в душе православный Бог,
Тот вернётся на родной порог.

Казаки (уходят в поход и поют):

Да не в поле исполины,
Не по рекам льдины,
Во сибирской украине
Встали в круг единый.

Казаки до солнца вышли,
Речи зачинали:
Из соломы наши крыши,
Сабельки из стали.

Мы добудем себе злато,
Ценное каменьё,
Будем сразу жить богато
Всем на удивленье.

*Велено ехать на Русь... Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие
или скроюсь где? — понеже жена и дети связали меня.*

Аввакум

Аввакум: Не радостны русские грады,
Но всё же звенят и манят,
Отеческим дымом богаты,
Преданьями дух шевелят.
Не скрыться ль под тёплой крышей.
Не спрятаться ль в угол родной?
Да только душа моя выше,
Чем круг этой мглы ледяной.
Нас нежные руки связали
Среди еретической тьмы.
Забиться в себе или в дали
Уйти, где не выживем мы?

Анастасия: О чём ты, Петрович,
Мой любый,
Одна у нас вечная жизнь.
Не шёл бы огонь твой на убыль.
Дерзай и о нас не тужи.

Аввакум: Разорван церковный покров,
Расколот России кров,
И в трещину хлынула кровь.

Анастасия: Не загублена только любовь.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Аввакум: А если я от жизни пёсьей
Устал, одрябл, обезголосел?

Анастасия: В волнах любви, в морях обилья
Душа отращивает крылья.

Уходит собираться в обратный путь.

Аввакум (один):

Царь повелел возвратиться на Русь,
Вести доходят, что Никон в опале.
Путь наш назад предсказать не берусь,
Смилуйся, Боже, чтоб мы не пропали!

Подружия с детками едет со мной,
Все, радуясь, молвят: «Домой мы, домой!»
А дома-то что? Ох, ребятки мои.
Не тот уже дом и не прежние дни.

Остаться в Сибири? Кругом — красота!
Да только Сибирь уже стала не та,
Леса соболиные ложью шумят,
А рыбные реки — для блудных ребят.

Входит Анастасия.

Анастасия: Что, господине, печален еси?

Аввакум: Зима еретическая на Руси.
Бездорожье.
Проповедовать мне слово Божие
Или сокрыться
В тиши?

Анастасия: Что ты, Петрович мой, говоришь?!
Поди, поди, обличай эту блудню,
А я с детьми с тобой рядом буду.
Лодка готова, все собрались.
Жизнь продолжается!

Аввакум: Дело любимое — жизнь!
Всё лишь теперь начинается!

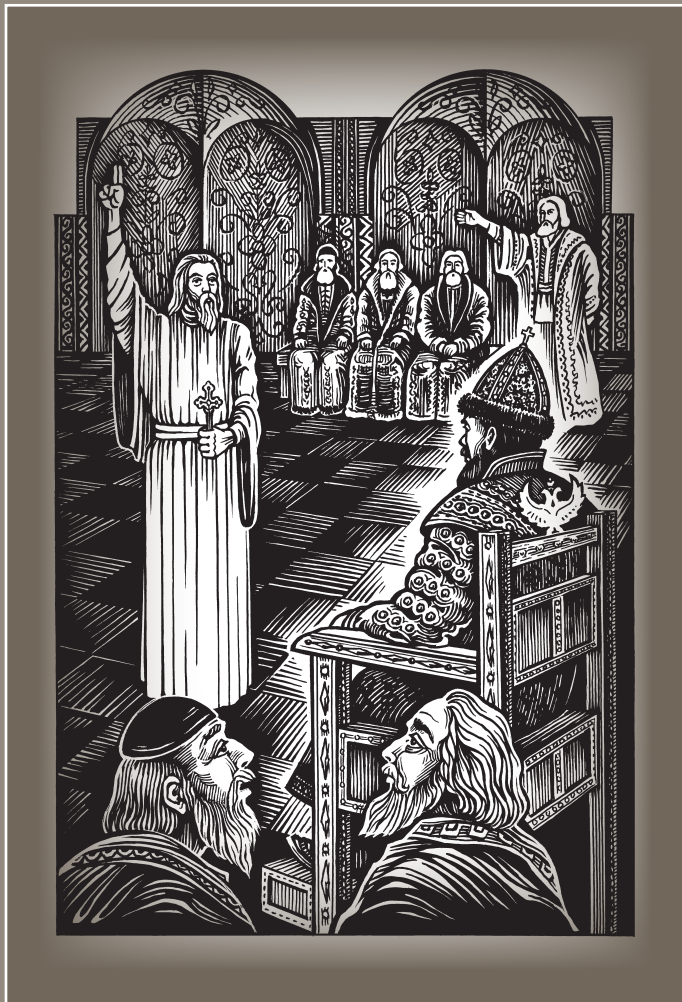
Все глядят, все добры, всякий боярин в гости зовёт.

Аввакум

Тревожный 1666 год. Никон в опале, царь Алексей Михайлович продолжает курс державы в западном направлении, никто не смеет перечить самодержцу, в противном случае, холоп ты или боярин, — тюрьма или ссылка.

Аввакум: Аз возвратился из Сибири —
И не узнал страны!
Другие люди, кресты другие...
В ложном мире
Я оказался.
Все будто бы объелись белены.
На римский лад
Перекроили
Наш русский Ирий...
Не слышно стало
Прежних слов молитв.
Израненная память плачет
И скорбит
От множества обид.
Где лепота?
Бесовский лепет лишь.
Царь не готов вернуться к старым книгам.
Неужто я смирюсь под новым игом?

Все говорят о чёртовом числе,
К тысячелетию его прибило время,

Как вижу, неспроста.
Самим царём я поселён в Кремле,
Проклянулось здесь дьявольское семя —
Травой сорною заросшие места.

Входят царь и его свита.

Царь: Здорово ль, протопоп, живёшь?
Ещё видаться Бог велел.

Аввакум: Жив Господь, и жива душа моя,
Царь-государь, а впереди — что изволит Бог!

Царь: Протопоп, благослови и молись о нас.

*Аввакум благославляет Алексея Михайловича, тот кланяется,
а вослед царю и все бояре подходят под благословение
и кланяются.*

Боярин: Соединись с нами, Аввакумушко!

Аввакум: В Сибири горько и в Москве не сладко!
Царь добр ко мне.
Знать, царство наше шатко.
Да вот пришлось со знатными мне знаться,
А с волей не придётся ли расстаться?

Боярин: Ты нашим стань —
И всё тебе простится.

Аввакум: Пьянь протрезвеет,
Дурень не проспится.
Аз пущен рыбою в гнилую воду.
Не буду ж Бога предавать в угоду
Уроду.

Боярин: Все слышали на царский дом хулу?

Аввакум *(к удаляющемуся царю):*
Что дано тебе, царь?
Только Русью

Ты владеешь,
Открыты же мне
Звёздной Волги истоки и устья,
Вся земля и всё небо!
Боюсь я —
На смолёном окажешься дне.

Ты ж природный русак,
Свет-властитель,
Корневой от волос до ногтей.
И не в этой, а в ангельской свите
Твоё место.
И примет Спаситель
Тебя первым
Из лучших людей.

Боярин: Царь отвернулся и махнул рукой,
Отправим протопопа на покой.

Царь и бояре удаляются, стража окружает Аввакума.

Аввакум: Век сей суетный,
Что сулит он ны?
Воистину не знаю,
Да и знать не желаю.
(К стрельцу.)
А ну, стрелец, а ну-ка лбом да в грязь!
Душа твоя косая заблудила.
Исправь её! Ну, чадушка, вылазь
Из ямищи. Тебя же мать крестила!
Она тебя по старине крестила.
Так припади душой к той старине,
Покайся, раб, пока ещё не поздно,
И покаянно повторяй: во мне
Святая Троица, воинственна и грозна!

Стрелец: Как скажет власть, так и молюсь.
Оденься сам по нынешней погоде —
Тебя признает царственная Русь.

Аввакум: Вяжи узлы...

У стрельца заметно дрожат руки.

Ты ни на что не годен!

Аввакума уводят в тюрьму.

МОСКВА. АВВАКУМ.
ФЁДОР ЮРОДИВЫЙ

Зело у Фёдора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а ночь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова!

Аввакум

Фёдор (юродивый, духовный сын Аввакума):

Нарядна и проста родная речь,
Её напев, её весёлый лад
Хочу всю жизнь лелеять и беречь,
Но как дойти, доискриться, дожить?
Ты, Аввакум, коль можешь, подскажи!

Аввакум: Я видел Даурии дикие пики,
Кристалльную глыбу Байкала,
Но злоба с обидою зверем великим
Меня на пути поджидала.
Что стёжки-дорожки,
Немирные вёрсты
На вьюжную нитку прошиты.
И каждою стёжкой
Ведут на погосты
Кресты и могильные плиты.

Фёдор: Однажды так заledenели
Ступни, что кочаны,
Стучу, терплю,
И Богородицу о милости молю,
Глянь, отогрелись,
Боль исчезла.
Я снова к людям на мороз...

Аввакум: Мне это ведомо до слёз.

Фёдор: С царём, мне говорили, дружишь?

Аввакум: С полгода жил после Сибири
С царём и комнатными в мире.
Да вижу: дело-то всё хуже,
И на России бремя туже,
Я написал царю письмишко,
Чтоб веру прежнюю вернул
И спас от нечисти страну.

Фёдор: А он поймёт своим умишком?

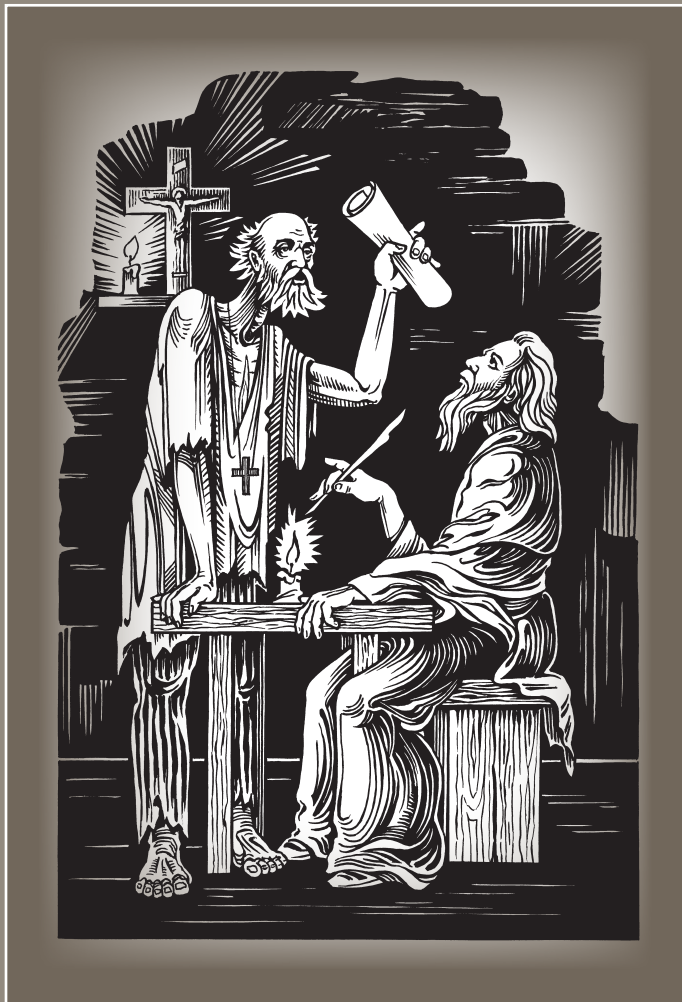
Аввакум: Да, царь умён и речью красен,
Но думаю, что труд напрасен.
Никонияне у него
Любимы более всего.

Фёдор: Нет Никона, но нет и тишины.
И как теперь мы жить должны?

Аввакум: Не против Никона я был, а в распре с чёртом.
Чья власть уж над Россией распростёрта.

Фёдор: Вот то-то и оно!
Нам от чертей темно.
Неужто это край?

Аввакум: Скорее — дно.
За Никона молюсь,
Хоть враг он, но — русак.
Водою волжской крещены мы оба.
Негоже друг на друга...
Ну — никак!
Что Волгой мы плывём, что бесконечной Обью.
В одной мы лодке, даль одна дана.

Фёдор: Да, крив был Никон.
Кто же без бревна
В своём глазу?
Ох, бедная страна,
Ладья твоя уже коснулась дна.

Аввакум: Так оттолкнёмся — и вперёд! Да вот куда?

Фёдор: Дай, батюшка, мне лучше письмецо,
Забьюсь под Красное крыльцо
И свет-царю его вручу.

Аввакум передаёт письмо. Фёдор бегом читает.

А ты, того, не чересчур?

Аввакум: Как есть, сын мой, так и пишу,
Я в русском слове не грешу.
Тебе юродством поучать,
А мне речами...

Фёдор: Где ж печать?

Аввакум (перекрестил лист):
Вот и она!
Ты — берегись,
Пред царской свитой не храбрись.

Фёдор: Как бы не так!
Каков уж есть!
Вернусь. Дождись ответа здесь.

Аввакум (дожидаясь возвращения Фёдора-юродивого):
Боюсь за Феденьку,
Ведь убежал чуть свет!
Так долго его нет,
Наверное, схватили,
Впрягли в железо,
Заточили.

Как видно, царь наш осерчал.
Башка у Федьки горяча,
Да и письмо горит огнём.
Не всё царю приятно в нём.

С улицы раздаётся разухабистая песенка.

Распоясались стрелыцы
По указу сверху.
Что им деды и отцы?
Пройденная веха.

Коль приказано: «Вперёд!»
Так по воеводе
Станут воевать народ
С думой о народе.

Вот и бороды дерут,
Саблей острой бреют.
Даже Страшный Божий суд
Слышать не умеют!

Фёдор (вбегая):
А вот и я!

Аввакум (притворно сурово):
Где черти носят!

Фёдор: Об этом ангелы их спросят.
Меня вот в Чудов отослали
И там в железо заковали.
Аз помолился. Цепи — в прах,
На стражника напал вдруг страх.
Я ж в печку хлебную залез.

Аввакум: Хоть отогрелся?
В этом весь
Ты, сын мой.
Что сказала власть?

Фёдор: Царь-батюшка кричит: «Вылазь!»
Аз вылез — и бегом к тебе.

Аввакум: Ну, ясно, что не оробел!
Не любо, стало быть, царю,
О чём в письме я говорю?

Фёдор: Не любо. Жди, отец, беды.

Аввакум: Не убежать нам от судьбы.

Движение у крыльца.

А вот и от неё гонец!
Что мешкаешь? Входи, стрелец.

Стрелец: Ну, собирайся, Аввакум,
Тебя я в ссылку повлеку.
И Федьку твоего прихватим.

Фёдор: На помеле или прихвате?

Аввакум: Куда?

Стрелец: Да прямо на Мезень
Под вашу каторжною сень.
Скорей давай,
Семью в дорогу собирай.

МОСКВА. ЧУДОВ МОНАСТЫРЬ. СУД ВСЕЛЕНСКИХ ПАТРИАРХОВ

*И во время обругания моего, егда остригоша мя с протопопом
Аввакумом на единой литургии...*

Дьякон Феодор

*Держали меня у Николы в студёной полатке семнадцать недель. И царь
приходил в монастырь: около темницы моя походил и, постовав, опять
пошёл из монастыря. Кажется по тому, и жаль ему меня, да уш то воля
Божия так лежит! Как стригли, в то время велико нестроение в Верху
у них бысть с царицею, с покойницею; одна за нас стояла в то время,
миленькая, напоследок и от казни отпросила меня.*

Аввакум

*2 августа 1667 года состоялся суд над Аввакумом, попом Лазарем, иноком
Епифанием. Дьякон Феодор хитростью сбежал к жене, чтобы проститься,
но вослед «другам своим» также был осуждён и подвергнут казни.*

Паисий: Паисий я, Александрии, града Божьего,
Законный патриарх, вселенной судия,
Допрашиваю протопопа ложного,
От нас, от греков, Русская земля!
Мы новизну обрядов наших
Вам дарим!

Аввакум: Это дар от павших!
Не новизны, но обновленья
Ждёт русский православный свет,
А вы несёте нам забвенье
Заветов предков, волны бед,
Что пробегут сквозь поколения,
И вот, глядишь, — России нет!
Лишь греко-турские владенья,
Иль хуже что...

Паисий: Твои виденья
Послали духи не с небес.
Вся Церковь, Божие творенье,

Тебя плюёт.
Изыди, бес!
Русь станет тем, чем Юг и Запад
Становятся за веком век...

Аввакум: Не западёт она.
Заката
Не любит русский человек.
В нас восходящая есть сила,
Святой Софии мы верны.
А где Царьград? Ваш храм?
Могила!
А над могилой — плач зурны.
Истошны крики муэдзинов
Молитву к Богу заслонят.
Ковры, шелка, плодов корзины
В бесовский мир войти велят.
И вы вошли, бедны и сиры,
А мы — верх православья мира.

Не нас учить должны вы ныне.
Ни-ни! У нас пора учиться!
Есть православный царь с царицей
Лишь здесь, не в вашей Палестине.

Макарий (патриарх Антиохии и всего Востока):
Куда тебе против церковной махины!

Аввакум: Да ты разошёлся на две половины,
Одна у царя жирует,
Другая о Боге тоскует.
Ни-ни, нельзя же тако,
Ты ж не дворовая собака!

Макарий: Господь един в трёх Лицах!

Аввакум: Человеку не разделиться,
Вот и аз, Аввакум — един.

Паисий: А мы что? Из двух половин?

Аввакум: Сами сказали. Никто не просил.

Макарий: Как всё тут тонко у вас на Руси.

Епифаний: Сбежались к волкам лисицы,
Чтоб добычей поживиться.
Не сидите, греки, гордо,
На Москве отъели морды,
Бегите к заморским царям.

Паисий: Что ни русский, то упрям.
Все палестины за нас.

Боярин: Таков и царский указ.
Креститесь тремя перстами
И будете с нами.

Лазарь: Повелите жечь меня!
Если выйду из огня,
Значит, ангелы велят
Старый сохранить обряд.
Значит, ваша новизна
Русским людям не нужна.

Паисий: Так поступали древние святые.
А вы кто такие?

Аввакум: Мужики простые,
Да не клоним выи.

Паисий: Мы Никона, врага твоего, осудили и с патриаршего места ски-
нули, а тебя и подавно раздавим.

Аввакум: И что же? Себя ведь не судите,
Царёвы подарочки любите.

Боярин: Ты уж лучше бы помолчал, расстрига-протопоп!

Аввакум: Не по мне это. Говорю прямо в лоб.
Отбивайте рогом мои слова, козлы.

Боярин: Царь наш зол на тебя, и мы, бояре, злы.

Аввакум: Вы отправьте меня вновь на Мезень,
Там жена и дети в узах сидят,
Марковна, худая, как тень,
Не прокормит она малых ребят.

Паисий: Суд решит, за что и куда.

Аввакум *(мимо патриарха)*:
На столе у них одна лебеда,
Как один хохол на лбу у меня.
Куда делась ты, моя борода?
Вместо волоса — сплошная стерня.
Так что голос только и есть.

Макарий: Это голод тебя просит поесть.

Аввакум: Всё дуруете?
Отстаньте от дурна!
Погибает в нашей распре страна.

Паисий: Невозможно миновать вам беды.

Аввакум: Да плевали мы на ваши суды!
Посидите, а я здесь полежу
Да на звёзды ваши вниз погляжу.
(Укладывается на полу, ногу за ногу.)
Воистину не знаю,
Как доживу до краю!
(Так и сяк поворачивается.)
Вы патриархи вроде,
А мы — юроды
Христа ради
В стольном граде.

Немощны мы,
А вы сильны.

Макарий: Приди, Аввакум, в разум!
Мы сильны собором...

Аввакум *(будто подметает пол)*:
Патриаршим сором...

Макарий: Возьми, возьми его,
Всех нас обесчестил!

Паисий: Да ты — дурак. Оттого и упрям.

Епифаний: А вы не указ нам!

Лазарь: Кошечки набивайте,
Да в европы езжайте.

Паисий: Из тюрем выхода не будет!

Аввакум: Единый Бог —
Не вы нам судьи!

Оба восточных патриарха бросаются на Аввакума с кулаками.

Аввакум: Стойте, не бейте,
Если убьёте,
Как же с амвона
Вы запоёте?

Боярин: Нечего с ним пироги печь. На цепь его!

Паисий и Макарий: На чепь!

Стрельцы уводят осуждённых.

МОСКВА. ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ

*И ухватили нас, священника Лазаря и меня, под руки и помчали скоро-
соро и зело немилостиво и безбожно. И примчали на Болото.*

Аввакум

*...отрезаша нам трема по языку: Лазарю-попу и Епифанию-иноку,
по времени и мне, Феодору. Христос же, спаситель наш свет и праведный
судия, не оставил нас, паке даде языки и слово нам по-прежнему.*

Феодор

*Ночь перед 26 августа. На следующий день всех осуждённых собором от-
правили в ссылку и заключение в пустозерский острог.*

Стрелец (караульный):

Остригли, протопоп?

Аввакум: Не говори!

Не то, что поп-расстрига, гол, как баба,
Лишь чуб оставили дворовые хмыри,
Впрягли в железо.
Знать, царишко слабо
Престол свой держит!
Эвон, сволокли
К Москве-реке всех за полночь, потайно.

Стрелец: Вот другам языки по горло отсекли,
Да и тебе ссекут.
А завтра на украйну
Всех пустосвятов в пустозерскую тюрьму.

Аввакум: У Бога лучший аз язык возьму!
А ты, стрелец, уж лучше бы отпёр!

Стрелец: Ну, батюшка, уж больно ты хитёр!

Аввакум: Шучу, шучу! Вас дюжина стрельцов
Снаружи дружно давят на засов,
Вам сказано, как связано, стеречь.
На цепь посажены, куда уж нам утечь!

Стрелец: На волю выбраться не думай даже.

Аввакум: Здесь мне почёт.
Поссать ведут под стражей,
Да чтобы у костра, да на виду...
Подумай, чем страшны?
Лишь Божьей речью.
Ответить нечем, так стригут, увечат.

Стрелец: Ох, протопоп, накличешь ты беду.
Уж лучше я пойду.

Аввакум: На службе легче?
Иди к никониянам, вринут в грех.
А мне молиться Господу за всех.
Простит ли? В землю тянет ложь.
С такою ношей в небо не уйдёшь.

Стрелец: Смолчи. Стерпи. И станешь вновь в чести!

Аввакум: Хоть бархат нацепи, всё на цепи,
Я ж и в цепях, что вольница в степи.
Всё мучаетесь с нами вы, страдальцы,
Рвя языки и отсекая пальцы,
Вы вечно трудитесь для нас, рабы,
Не зная истинной своей судьбы.

Стрелец: Но не меня — тебя казнят и мучат!

Аввакум: Как знать, стрелец, как знать, что в жизни лучше.

Стрелец: Вот уж на что был Никон наш силён,
А где теперь? И он попал в полон!
(Уходит и запирает дверь.)

Аввакум: Разрушен дом, зияют небеса,
В иноземельные нас выбросило дали.
Забыв родную мать, предав отца,
Мы надвое свой полог разорвали.
Чем нам теперь прикажете дышать?
Какою речью изъясняться с другом?
Какою совестью утешится душа
Под этим режущим на части плугом?
Не спрятаться по кромкам, по лесам,
Не сохранить нам древний свой обычай.
Где ставить свечи праведным отцам?
Как святость наших предков возвеличим?

Стрелец (из-за двери):
Теперь, без Никона, нам легче станет жить.

Аввакум: Какая разница тебе, кому служить.

Стрелец: Служу я лишь царю!

Аввакум: Об том и говорю.

Стрелец, позвякивая ключами, шагает прочь.

Эх, Никон, Никон...
Горе он отмыкал.
Как дурость умная
В нём пышно расцвела!
У нас обоих не сладки дела,
Такая вышла в жизни заковыка.
Держава движется,
Как повелел ей Бог,
Какие люди — таковы и страны.
И оба мы грешны,
И, как ни странно,
Плачевен жизни горестный итог.
Из деревень, что смотрят через Волгу,
Изба в избу —
Мы начинали путь.
Теперь на Истре он

И от Москвы на выстрел.
Меня же отправляют прямо к Богу,
И встретимся ль ещё когда-нибудь?
А кораблю—державе плыть и плыть.
По двум бортам одно прочтём — Россия.
И как он океанский путь осилит?
Нам не ускорить ход
И не остановить.

ПУСТОЗЕРЬЕ. ПЛАХА НА ПЛОЩАДИ.
14 МАРТА 1670

Они же, кровососы, начаша ротитесь и клянутся пред царём,
и широкими ризами потрясать, и яко сучки плясовые, позвякивать,
и глаголати царю лестные глаголы: Никако же, государь тишайший,
нестатное то дело, еже Христу дати им языки после нашея клятвы, —
ни, Государь, лгут, или мало им отрезано же то! — ... И повеле при всём
народе до основания вырезать языки...

Феодор

Пустозерский острог, весна 1670 года. Четыре земляных сруба, темницы,
загнанные в вечную мерзлоту самой северной тюрьмы тогдашней Рос-
сии. Охрана из стрельцов, командует полуголова. В темницах заключены
«государевы хулители»: протопоп Аввакум, инок Епифаний, поп Лазарь
и дьякон Феодор.

Стрельцы ведут на казнь союзников.

Аввакум: «Аще бы не были борцы
Не даны быша венцы».

Епифаний: Наступила пора —
С бесом полное сходство.
Те же дуют ветра,
То же
Скотство.

Лазарь: Истончилась на нет
Вековая преграда.
Сколько зим —
Столько бед.
Так ли надо?

Феодор: Бога в нас не сожжёшь.
Пяди — в рукопожатье.
Изгаляется ложь.
Ржа проклятий.

Стрелец (полуголова):

Зачитываю царский всем указ:
«Казнить смутьянов напоказ...»

Слова указа перекрывает одобрительный гул народа.

Аввакум (обращаясь к лобному месту):

Стол праздничный накрыт
Среди немых ледовых плит,
Зияет в низком солнце плаха,
Палач готовит руки для замаха,
И пустозерский острожной народ
Волнуется и развлечения ждёт.
Друзья, союзники, покажем этим малым,
Что схожа кровь с полярным утром алым!

Стрелец (продолжает неожиданно):

Аввакума вместо казни
Посадить в земляную тюрьму,
Чтобы дни влачил праздно
И молился Богу своему.
Вверху окошечко прорезать,
А то больно крутой и резвый.
Каждый день раз за разом
Вмале подавать хлеб с квасом.

Народ разочарованно ропщет, Аввакум негодует.

Аввакум: Плюю аз на царский хлеб,
Не ядше уйду на тот свет!

Стража уводит его в темницу.

Аввакум: За что от братии отлучили,
Семя раздора меж нами
Не прорастёт!..

Стрелец: Послушай дальше, вечевой народ:
Трёх узникам за дерзкие их речи —
Рвать языки и руки сечи!

Голоса из народа: Да разве это казнь!
Зачем топор и плаха?
Для страха.

Епифаний *(кладёт голову на плаху)*:
Так горько резали в Москве,
Да вот вернулась речь.
И если дело в голове,
Её вам лучше сечь.

Стрелец: Сначала Лазарю-попу.

Палач: Сам вынул!
Язык-то с малую полтину!
Клепцами взять не можно,
Склизок...

Лазарь: Сам обагрю я ризы,
Дай нож, палач..
(Вытягивает свой язык и отсекает.)

Палач: Какая хватка!
Под корень срезал без остатка!

Голоса из народа: Как мяса кус собакам кинул.
Без языка свой рот разинул...

Лазарь *(внятно произносит молитву)*:
«Господи Исусе Христе,
Сыне Божий,
Помилуй мя грешного».
(К зрителю.)
Мужик, мужик, скажи царю,
Без языка аз говорю!

Стрелец: Палач, руби скорее руку!

Палач отсекает кисть, она отлетает в сторону.

Лазарь: Подайте эту штуку!
Кровь мне мешает говорить, а не язык.

Лазарь весь залит кровью, стрелец подаёт ему обрубьш так, что народу видно: пальцы сложены в двоеперстие. Лазарь целует отрубленную кисть и кладёт в пазуху.

Стрелец (к палачу, перекрывая голосом ропот собравшихся пустозерцев):
Теперь у Епифания секи.

Голос из народа: Да что это творится, мужики!

Епифаний: Подите прочь! Палач, твори науку,
Хватай клешней мой ангельский язык,
Не вырежешь молитв гортанный крик...

Режут.

Ааа...су...ка...аа...у!

Феодор (его волокут на плаху):

Разве святою может быть распря?
Злоба сжигает жизни ростки.
Где же ты, Родина,
Где наше братство?
Что вы взъярились на нас, мужики?
Схожие нам колыбельные пели,
Как же мы дожили до того,
Что разрубили младенцев купели
И разделились все
До одного?!
Милые, вы же из нашего теста,
Русью замешаны, оживлены.
Как довели вы до лобного места
Гордость и святость
Родной старины?
Мы уже сами с собою враждуем,
Враг — он всегда где-то рядом.
Внутри.
Вот и собачимся,
Вот и воюем.
Нелюди, что ли, мы?

*Казнённых разводят по земляным темницам, кладут крепкие запоры.
Плаху переоборудуют в подмости, появляются скоморохи, начинается народное гуляние.*

Слепой гусяр: Не от батюшки ль Михаила
На Руси у нас засквозило?
Или, может, ещё с Бориса
Завелась поганая крыса?
Чуть блеснули мы русским золотом,
И опять у нас всё расколото.
Словом с дедом не перемолвиться.
Поднимается злая вольница...
Чую, с запада гнилью веет,
Ну да ветер уже правее...

Скоморох 1: Под свою пляшу дуду,
Сочиняю ерунду.
Племя наше дудино,
Не верьте, что Иудино!

Скоморох 2: Не жалейте денег,
Скоморох — бездельник!

Скоморох 3: Веселите деловых людей,
Ведите игровых медведей!

Медвежья потеха.

Скоморох 1: Мастера смешить, как надо,
Встаньте на уши свои,
Да пройдёмте по канату,
И — ни-ни!

Разгорается скомороший балаган.

Скоморох 2: Покорёжило с лица
Скомороха-простеца.

Скоморох 3: Пока хочется — всё мало...

Скоморох 1: Попохочем за Уралом!

АВВАКУМ И СТРЕЛЬЦЫ

Риторство и философство — внешняя блядь, свойственная огню негасимому... И несть ми о сем радения. Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакальства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения.

Аввакум

Аввакум: Надсадили мне голову блядины дети,
Добрались и досюда московские черти!

(Вздыхает.)

Люди, люди — цари, патриархи

И свора,

Что возвращается в лживых

И подлых кругах.

Не годны вы, поганцы,

Для разговора,

Ни для дела святого...

Отрясаю ваш прах!

(Подходит к темничному оконцу, всматривается. Стрельцы горланят.)

Пьют, верно.

Да, поди ж ты, запоют.

Хоть этим скрасят тишину мою.

Стрельцы *(поют):*

Не пошто ходить в Персиду,

А то дома — Вавилон.

Ну-тка, охмелею, выйду,

Дедов возглашу закон.

Стукнут, брякнут:

Вот он, вон!

Вот и дома Вавилон.

Стань-ка посередь Москвы,
О Спасителе промолви!
Вот тебе и море крови.
С головой? Без головы!

Стукнут, брякнут:

Вот он, вон!

Вот и дома Вавилон.

Аввакум: Ой, как сплели!

А ведь из слов моих

Сварганили себе

Бунташный стих!

Стрельцы, голубчики, прижались у огня,

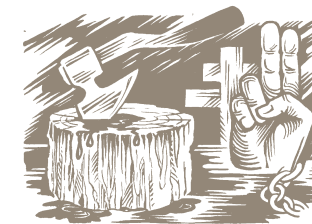
Почти венцов, мучители, достойны,

Полуживут, всё матерно браня,

Всё, мученики, допьяна невольны.

А что им делать? Давит забытьё...

Господь, на них сияние Твоё!

АВВАКУМ И ЕПИФАНИЙ

*По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою,
и еще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущие и слышащие,
не позазрите просторечию нашему...*

Аввакум

Аввакум (один):

Нас развели по четырём углам,
Вокруг устроив шабаш и бедлам.

Не взяться за руки.
И рук нет у души,
Она дрожит,
Сливаясь с тем,
Что любит.
Нас земляные тюрьмы не погубят,
Но Высь незримая
В Иисусе закружит.

Ты, дальний житель,
Правнуков приплод,
Через страдальцев обретаешь вечность,
Через упорство наше,
Нашу честность,
Чтоб над снегами вынырнуть восход.

Век долгий обещаю без греха,
Такой же ночи, долгой и безгрешной.
Есть только Бог!
И правда неизбежно
Сердца соединит нам
И века!

*В оконце, что под потолком, появляется Епифаний, оба они в безмолвии
расширяют проем, и старый инок втискивается, вваливается в узкое
пространство земляной камеры.*

Епифаний: Привет тебе, священный протопоп.

Аввакум: Что колокол гудит твой добрый рот.
Аз радуюсь, отец духовный мой,
На голос твой невнятный, но живой.
Язык отрезан, вновь ты говоришь!

Епифаний: И ты горишь!
Пришёл я рассказать тебе мой сон.

Аввакум: Ты мастер сны смотреть, каков же он?

Епифаний: Сердечными глазами видел чудо:
Оконце выросло и повернулось к люду
В четыре страны света... Оробел,
И томен стал — и к свету полетел.
И слышу:
Путь тори, свершая дело...

Аввакум: Какое дело? Всё здесь омертвело.

Епифаний: Ты слушай дальше:
В гору солнце село,
Стал тонок сон, едва и ухватил.
Сижусь, листы бумажные слагая,
Они чисты и валяются без сил.
Уж есть стопа, а рядом с ней другая,
В тетради их собрал и переплёл.
Взял первую, а белая страница
Уже успела будто увлажниться,
Смотрю — слова..
И вдруг строку прочёл:
Мёртвый вечно волнуется мир.
И пробудился..
А строка дрожит.

Аввакум: Сильна она.
Здесь каждый — мертвожив.
И черти повывлазили из дыр.

Епифаний: Сидим в земле
И ждём за часом час
Со стороны спасения для нас.
А ты не жди, а ты — заговори!

Аввакум: Дел хочется.
По ним душа горит.

Епифаний: В начале было Слово. Дай слова,
Чтобы восстала прежде голова...

Аввакум: Не будет средь живых меня.

Епифаний: Но будет больше Божьего огня,
И люди обогреются тобой,
И с нечистью они продолжат бой.

Аввакум: О чём же речь вести? Пересказать ученье,
Составить новое из старого моление?
Пусть Федька-дьякон, мерзкий еретик,
Составит груды богомерзких книг.

Епифаний: Зачем ты так о нём?
Сидит без языка,
И более моей усечена рука,
Но не сдаётся и не ищет благ.

Аввакум: Всё, отче, так...
Да всё совсем не так.
Аз не писатель,
Просто протопоп,
О чём скажу?

Епифаний: Пчелою сладость сот
Насобирай

И сохрани в словах
Всю жизнь свою, как древле, в житиях.
Ты не келейный инок, ты не я,
Тебе известна Русская земля.
О том, как нам спастись в старовере,
О всём поведай... и о Пустозерье.

Аввакум: Аз книжно речи править не привык,
По-гречески, еврейски, по-латыни
Ни слова не провякает язык.

Епифаний: Своею речью каждый душу вынет,
И ты природной, русской — дорожи,
И Расскажи, как жить. И как ты жил.

Аввакум: В моей крови шарахается сила,
Не выела очей темничная могила,
Пройду правдивой книгою...
Ты прав:
Быть «Житию», когда развеют прах
Над Ледовитым морем, над снегами.
И не Москва теперь — Господь за нами!

Епифаний: Сам знаешь, каково теперь в Москве.
Бог — в сердце, а ученье — в голове.
*(На губах Епифания проступает кровавая пена, рана от урезания языка
вновь открылась, ему трудно говорить.)*

Аввакум: По спёкшейся всё новая сочится...
Когда бы дух гнезвился в языке,
А слово правое слагалось бы в руке,
Но над тобой, отец мой, Божья птица,
Не ветвь оливы в клюве —
Твой язык!
Дай я его вложу в уста обратно,
Чтобы молитвой к небесам приник,
И речь была просторна и понятна.
*(Кропит уста святой водою и смазывает с молитвой освящённым
маслом, елеем.)*

Пошевели обрубьшем во рту.
Дай с губ слюну я оботру...

Епифаний: Рот очищается, в спокойствие приходит.
Знать, речь нужна и Богу, и природе.

ЛАЗАРЬ И ФЕОДОР

Преклоните ушеса во глаголы уст моих...

Феодор

Лазарь: Беда к нам идёт не с иных сторон.
Средь братьев по крови и духу разлом.
Ты, Фёдор, с Аввакумом помирись.
Одна уготована Господом высь.

Феодор: Так ли?

Лазарь: Ржа разъедает по капле.

Феодор: Уйду в свою темницу,
Буду молиться.

Лазарь: Скорый рассвет впереди.
Иди.

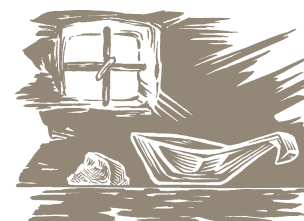
Феодор *(молится в своей темнице)*:

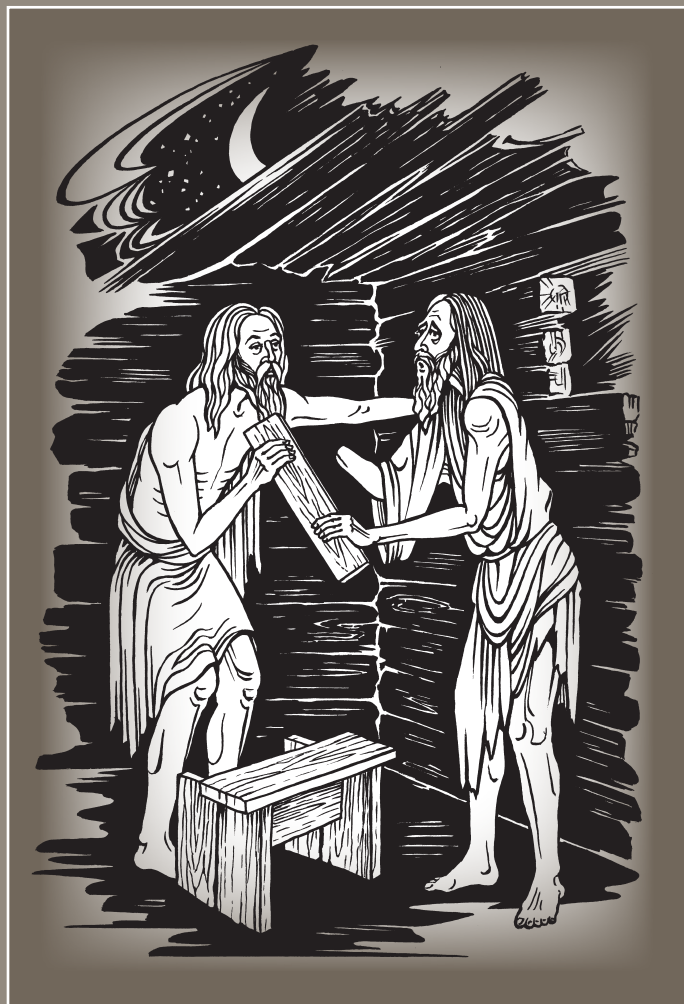
Создавший мя,
Помилуй мя,
Буди воля Твоя!

За оконцем слышится лёгкий шелест.

Ангел мой,
Утешенье моё на сем свете,
Голос твой с неба
И тонок, и светел.
Если б лицо твоё видеть!

Да ты ведь бесплотен,
Ходишь по верху темницы —
Лёгок, свободен.
Распря священная
Всех нас, страдальцев, сгубила.
Если бы в Слове
Были тверды и едины —
Учетверилась бы сила.
Ангел мой,
Стены тебе не помеха,
Голос твой слышу,
Он мне — утеха!

ПОДАРОК ЕПИФАНИЯ

*Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святого
ради твоего благословения, отче...*

Епифаний

Епифаний (Аввакуму):

Соорудил я столик деревянный,
Давай-ка вместе соберём,
Рука болит,
Чтобы свой путь,
Опричник оловянный,
Ты смог изобразить.

Собирают из нескольких дощечек письменный стол.

Аввакум: Смотри-ка! Он стоит

И не качается, как вкопан!
Ну, удружил ты, батько, протопопу!

(Оселяет крестом Епифания.)

И ты нам напиши о жизни, о себе,
И расскажи, что встретил по судьбе.
Начитан ты зело, куда там мне!
Ты стены книг обрушил в пониманье,
Но более ты видел в тонком сне,
Когда был в келье дьяволом изранен.

Епифаний: Всё о своей борьбе я расскажу,
Но разве жизнь смогу вместить в страницы?
Уж поздно, сын мой, ухожу,
А то наш стражник,
Бражник наш проспится.

(Уходит через оконце, как и пришёл.)

ЧЕТЫРЕ ТЕМНИЦЫ

Аввакум: Все мы вечно страшимся
Раскованных слов,
Ведь начнут куролесить —
Не удержишь голов!
Сразу жизнь разыграет нас
В картах своих.
Оттого так пугает
Правителей стих.
Да и что говорить о верхах,
Если друг
Выражает тебе
Свой неложный испуг.
Если дети, страдая,
Умоляют молчать,
А начальник, стращая,
Тычет в зубы печать.

Говоренье — горенье.
Свои плечи расправь,
Свою радость-мученье
В слова переплавь,
Погляди в это зрелое зеркало фраз,
Это ты, это то, что ты сделал сейчас:
На ладони цветы
Раскрывают костры,
И пылинки рождаются вновь,
И миры.
Это ты, это сам
Вышел из маяты —
И шутихами ярко взметнутся листья!

*В оконце видно, что идёт смена караула, стрельцы подбрасывают дрова
в костер, смолистые поленья трещат и мечут искры.*

*Запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо
возможно, едина скважня, сиречь окошко, в него пищу подают, что
собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело
тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь, удушисься, насилу
отдохнёшь. А на полу там воды по колени, — всё беда... А сежу наг,
нет на мне ни рубашки, лишь крест...*

Аввакум

Аввакум (один в своей темнице):

Сибирь из памяти всплывает постепенно
И на бумагу буквами ложится,
И каждый лист, да что там лист — страница
Былым, израненным моим нутром сочится,
Как будто острым льдом мне вскрыло вены.

Понужден к «Житию»...
Как в холод тянет к печке,
Так к Епифанию
Влечёт душа моя.
Не оставляет он
Духовного огня,
Не прерывает ровной речи.
Вчерне
Моё готово «Житие».
Пять лет писал,
Душа вот дальше пишет.
И, кажется, слова приходят свыше...
Да что дивиться тут,
Естественно сие!
Чуть потерплю.
Так хочется прочесть,
Что скажет мне в ответ отец духовный,
Мой славный инок?
Светится он весь,

А я томлюсь в обличии греховном.
Не верно говорят:
«Гол как сокол».
У птицы от Всевышнего есть перья,
А я вот оголён,
Как оголяют ствол
В бревно строительное...
Бедные деревья!

Епифаний (в своей темнице):

Сладки слова молитв.
А как иначе!
И аз слагаю «Житие» и плачу,
А воздух от дрожания словес
Сиянием восходит до небес.
Мир очищается,
В спокойствие приходит.
Знать, речь нужна
И Богу, и природе.

(Достаёт стопу листов своего «Жития», открывает последнюю страницу.)

Не преступлю отеческих преданий!
Огонь и муку аз возьму взамен,
Всю боль земли,
Её лесных шептаний,
И к новому
Невольных перемен.
Осталось ночь и утро скоротать,
В одну лишь сторону
Ведётся строчка,
И если истинна она,
То коротка.
Жизнь завершу сияющею точкой.

Лазарь (в своей темнице):

Как сердце смёрзлось!
Жжёт.
Кровь стынет.
Слепота в глаза.
Но вижу: в них ещё живёт

Текучая, как мысль, слеза.
Мраз крепче.
Трещина по сердцу.
Сквозь время трещина.
По всей земной коре.
Мир надвое.
И негде обогреться.
Осталось мне
Сгореть в костре.

Феодор (в своей темнице):

Мы чужестранцы
На родной земле.
Святая Русь от распри зашаталась,
И в нас, как в зёрнах,
Родовая малость,
Как хлеб с водой
На праздничном столе.
Из материнской почвы мы взойдём,
И все увидят,
Что так мало надо
Для райского потерянного сада:
Холм с земляникою да светлый водоём!

АВВАКУМ. ПИСЬМО НА МЕЗЕНЬ

*Увы, красный уныл, и ясен померк! Где благолепие лица? Где светлейшие
очи? Где юность и зрак наш? Все исше, яко цвет, яко трава подсечена
бысть!.. Ну, Марковна, али не так говорю? Ей, так... А нынешнюю
зиму потерпите толко маленко: силён Бог, — уже собак тех, перепутав
огненным ужом, отдаст нам в руки.*

Аввакум

Пишу аз в вашу яму на Мезень.
Уже не муж, не батюшка, лишь тень.
Вот близится мучениям итог.
Родная Русь уходит из-под ног.
Играют в Бога местные царьки.
Что ж, буду плыть я
Поперёк реки.
С тобою на пределе мы живём,
Ох, Настенька, уж нам не быть вдвоём.
Как там Иван?
Я знаю, он с тобой
В такой же чёрной яме земляной.

Сбесилась власть,
Не знает, как измучить.
Осыпала дерьмом,
Вгноила в сруб.
И страже тяжко. Может, чуть получше,
От пуза жрут,
В отхожем месте срут.
С пищалью бродит полуголова,
Ему мерещатся
Бунты мужичьи.
Приснилось как-то:
Мордой в лайно тычут,
Так целый день помоями блевал.
Да что рассказывать!

ЧЕТЫРЕ ТЕМНИЦЫ. ЕПИФАНИЙ

Покойное житьё!
Воды — залейся.
Жалко — хлеба мало.
Так не беда!
Живот не вздуёт салом,
И разум не иссушится питьём.
Зато не знаем будней и забот,
Друг с другом вякаем
Про то, про сё
Покойно.
Вот так и жить
До смерти без забот
С молитвою —
И праведно, и вольно.

Им на Москве
Такой не снился рай!
Придумали —
Живых по горло в жижу!
Хоть песни пой, хоть молча умирай.
Но жутче,
Где властям под гузкой лижут...

Сам вижу, что неважно письмецо,
Да знаешь,
Не обучен,
Глуп гораздо.
Когда б я не был в сердце простецом,
То, верно, нехристом
Роскошествовал празднот:
Поправив ус да кудри расчесав,
Смочился б апельсиновой водицей.
Да сел в карету, голову задрав,
Чтоб титьки разжигали дьяволицы.

Ну, прощевай,
А подвернётся почта,
Мне отпиши,
Своим словцом попотчуй.

Всякая плоть не похвалится перед Богом. И начаша у меня те черви-мураши тайныя уды ясти зело горько и больно до слёз. Аз же, многогрешный, варом их стал варить, они же ми ядыху тайныя уды. А инова ничего не едят — ни рук, ни ног, ни инова чево, токмо тайныя уды... И гнездо себе зделали под печью, и оттуда исхожаху ко мне, и ядыху мя тайныя уды... И о всех сих слава Христу и Богородице... Видите ли, отцы святыя и братья, колико немощна сила-та человеческая! И худого, и малого червия, и ничто же мнимого, без благодати Духа Святого невозможно одолети...

Епифаний

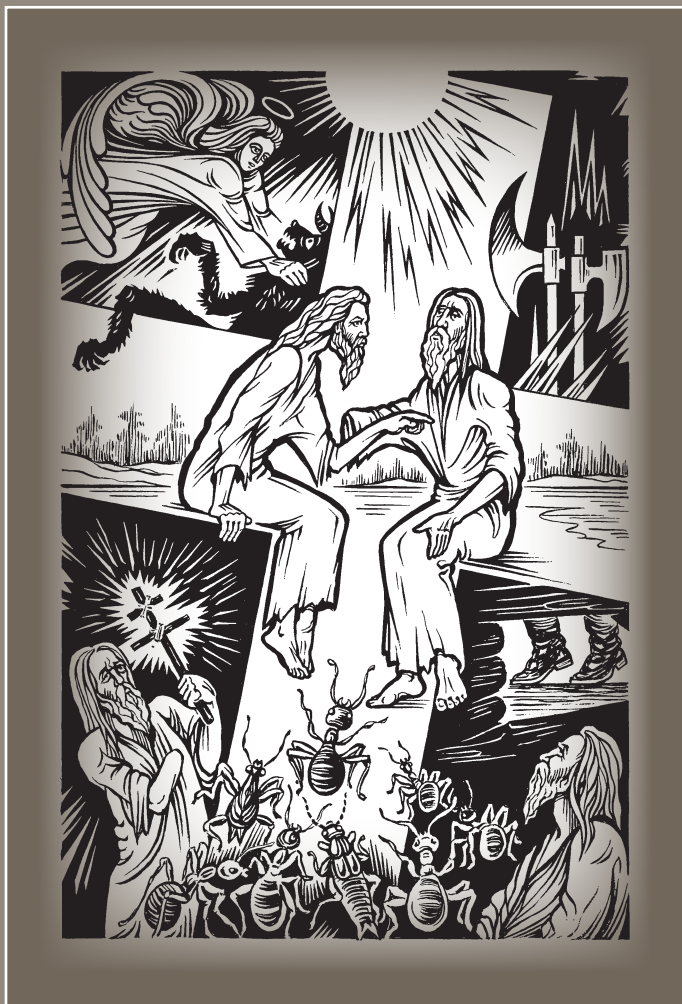
Епифаний: Вижу: ангел предо мной
Беса мнёт, как прах земной.
И отбросил ангел прочь
Чёрта, что мне рушил ночь.
Снова чистым стал мой дом!

Аввакум: Сам аз Господом ведом.

Епифаний: Запомнились мне слово в слово
Из рукописи присланной стихи,
В них всё, как будто про меня.

Аввакум: Стихами нынче пишут бестолково.

Епифаний: А вот, послушай, как они звенят.
(Читает, разбив на строки, текст из «Послания дворянина дворянину».)
«И лавка, государь, была узка,
И взяла меня великая тоска,
А постлана рогожа
И спать не погоже,
Сидел девятнадцать недель,
А вон из тюрьмы глядел.
А мужики, что ляхи,
Дважды приводили к плахе,
За старые пашни

Хотели скинуть с башни,
А на пытках пытаются,
А правды не знают:
Правду-де скажи,
А ничего не солжи».

Аввакум: Ну, прямо, как Савватий, старый мой товарищ,
Повеселил меня. А сам как сочиняешь?

Епифаний: Я более пою про жизнь, про миражи.

Аввакум: Да сказывай, небось.
Лишь совесть
Крепкую держи!

Епифаний: «О пустыня моя прекрасная!»
Свою келейку вижу ясно я.
Сам срубил,
Не один,
С Богородицей.
Руки трудятся,
Душа молится.
Тонок сон
Да небесные чтения —
Вот и все мои приключения.

Аввакум: А муравьиные поползновения?

Епифаний: Сколько ж я печалился, плакался
От их душещипательных пакостей!
И крестом, и молитвой сердечною
Прогонял эту нечисть запечную!
Землю я трамбовал, обливал их водою,
А они всё ползли, глумясь надо мною,
Уд в мешок зашивал...
И под старую елью
Из чистейшей берёзы
Срубил новую келью.

Аввакум: Однако тело, пока живы мы, не прах.
Поведай о своих покойных языках.

Епифаний: Два раза резали язык мой грешный.
И горько было и во рту, и в сердце.
Молил я Господа: помилуй меня, нешто
Останусь аз безгласным в этом веце.
Вдруг словно задремал и вижу:
В воздушях
Два языка моих.
Один другого краше.
Взял пустозерский,
Подержал в руках,
А он шевелится в ладонях,
Словно в чаше.
И аз его вложил обратно в рот,
Край срезанный к кровавому надрезу,
А вдруг он приживётся, прирастёт,
Как детский мой язык
К морозному железу...
И тонкий сон разлил в гортани сладость:
Почувствовал — он здесь... и нету боли,
И горечи не ощутил...
И сразу
Расти стал мой язык
Всё явственней, всё боле...
Не третий он, но первый мой язык,
Из корня одного, из чистой глубины сердца.
Пощупай, разве чувствуется стык?

Аввакум: Мне речью твоей сладко обогреться!
Но расскажи, как мастеришь кресты,
Когда отсечены твои умельцы-пальцы?

Епифаний: Мне ангел помогает с высоты
И все мои союзники-страдальцы.
(Напевает строки из своего «Жития».)
«Слава, Господи, кресту Твоему честному.
Крест — всем воскресение,

Крест — падшим исправление,
Страстям умерщвление,
И плоти пригвождение;
Крест — душам слава и свет веяный,
Слава, Господи, кресту Твоему честному!
Крест — врагам губитель,
Крест — злочестивым язва
И пленение,
И верным держава,
Благочестивым хранитель
И бесом отгонитель.
Слава!»

Аввакум: Ты покори меня небесной высотой!

Епифаний: А хочешь, я спою народную?

Аввакум: Ну, спой.

Епифаний: В земляной темнице
Горько мне сидится,
Сверху ветер воет,
У оконца — вои,
Вижу лишь подошвы,
Думаю о прошлом,
О моём хорошем.
Да пока цвела трава,
Зачервивела Москва.
Правду я царю сказал,
Только он умней не стал,
Меня в цепи заковал.
А столичная метла,
Как столетняя ветла.
В две доски моя кровать.
Буду ночку коротать.

Аввакум: Что ж, Епифаний, песня так себе,
Ты к «Житию» вернись,
К архангельской трубе,

Скажи о том же, но уже всерьёз.
А песенка твоя для смеха, не для слёз.

Да вот ещё: хочу тебе сказать,
Про муравьёв ты должен написать.
Обличие чертей многообразно.
В моей Сибири, помнится, напрасно
Пытался комаров побить в лесах.
Тот гнус мог за ночь выпить кровь мою,
Аз чуть не очутился в небесах.

Епифаний: До времени не отдохнуть в раю.

Аввакум подходит под благословение, кланяется и удаляется.

ЧЕТЫРЕ ТЕМНИЦЫ. ЛАЗАРЬ

*Русачки же, миленькие... Се бо чада, заповедь Божия, еще любите Бога
всем сердцем и всею душою, и всем разумом, и всем помышлением
твоим. Ходящу ти, сидящу, и возлежащу, да парит ум твой горе к Богу...
Возлюби ближнего своего яко самого себя... се бо есть равенство!*

Аввакум

Лазарь (один в земляной темнице):

Молитвенное правило мне сладко.
Всё в памяти, и не нужна тетрадка.
Зачем чернила, если есть уже
Намоленное за столетья слово?
Споёшь, и станет легче на душе.
Но к Епифанию притягивает снова.
Пойду к нему, он печку истопил,
Нарезав чурок из седых стропил.

Епифаний (в своей темнице):

Не крыша —
Время прохунилось.
Другого места нету у меня,
Как только возле жаркого огня.
Печурка, благодатна твоя милость.

Лазарь (входит):

Пылает печь, горит свеча.
Позволь с тобою помолчать.

Сидят молча, Епифаний мастерит кресты, Лазарь беззвучно молится.

Епифаний: В твоём молчании, страдалец-горемыка,
Так много дум о прошлом, о великом,
Что я и сам бы замолчал, мой друг.
Но отбивает моё сердце ритмы,

И разум нудит: в слове не соври ты,
Будь точен в речи, как небесный круг.

Лазарь: ...

Епифаний: Эх, Лазарь, Лазарь! На зарю похоже
Твоё всевоскресающее имя,
Когда ты молишься, согнувшись на рогоже,
Слова знакомые мне кажутся иными,
Живыми, будто только родились.
В молитвах возрождаем нашу жизнь,
И новым светом озаряется темница.
От так бы жить и вечно так молиться!

Лазарь: ...

Епифаний: В Сибири с Аввакумом ты страдал,
И на Мезени...
А теперь в остроге.
Ты сёла окормляя и города,
Бог был в тебе, и ты был в Боге.
За челобитную, что ты подал царю,
Сгоришь... И я с тобой сгорю.

Лазарь: ...

Епифаний: Эх, Лазарь, Лазарь, всё-то ты молчишь!
Уже лет десять обитаем рядом,
А ты ни слова!
На свечу глядишь,
Не отрывая пристального взгляда.
Как повелось, с утра и допоздна,
Церковную, по старине, ведёшь ты службу.
И в ложной новизне погрязшая страна
Тебе не предлагает больше дружбы.
Нас трое верных, но из четырёх!
Прошёл раскол, как трещина по сердцу.
Скажи хоть что-нибудь...

Лазарь: Сказал всё Бог.

Епифаний: А Феодору куда деться?

Лазарь: И Феодор нам друг.
Он нам по духу — брат.
Скажи Аввакуму: пусть он простит страдальца.
А истинное — в будущем проявится.

Епифаний: Я понял, Лазарь, и пусть будет так.

Лазарь (смотрит в окно):
Комета в небе.

Епифаний: Это Божий знак.

ЧЕТЫРЕ ТЕМНИЦЫ. ФЕОДОР

Тамо на Москве клятвы вси власти на мя за старую веру и на прочих верных, и zde у нас между собою стали клятвы, и свои дружи меня проклинают за несогласие с ними в вере же, во многих догматах, больше и никониянских!.. Пришёл вор на вора, а вси на Бога!

Феодор

Феодор: Хочу я, Лазарь, рассказать,
Что видели мои глаза.

Лазарь: ...

Феодор (шепчет, не вполне внятно):
...Посем был сумрак.
В третий день
Три раза с неба шла пальба,
А небо — голубо,
Вдруг — тень
И бесконечная гульба,
Где рвы заката глубоки,
От Соловков, из-за реки.
Подумал я:
«Там, брат, беда».
Смотрю в оконце на закат:
Ни ветра нет, ни тёмных туч.
И вновь видением объят.
Погас последний солнца луч.

И кто рассудит нас теперь?
Кто скажет старику моему:
«Аввакум, ты ему поверь,
Как вещему от Бога сну,
Ты с Феодором примиришь!»

Мы были в распре меж собой —
И вот повержены...»

Лазарь: Эх, жисть!
И в Соловках проигран бой.

*Появляются стрельцы, они проходят, мирно беседуя,
Лазарь и Феодор прячутся по своим темницам.*

Стрельцы: — Вся Русь, как Пустозерск, ветшает на глазах.
— В Сибирь уходит.
— Сильною вернётся.
— Как Аввакум?
— Как вольный наш казак.
— Оттуда свет, оттуда светит солнце.
— Нам каженики млы...
— Поднять бы их на вилы.
— Зачем на вилы? На рогатины пищалей.
— За веру прежнюю...
— ?
— Да, братцы, обнищали!

К стрельцам направляется их подполковник.

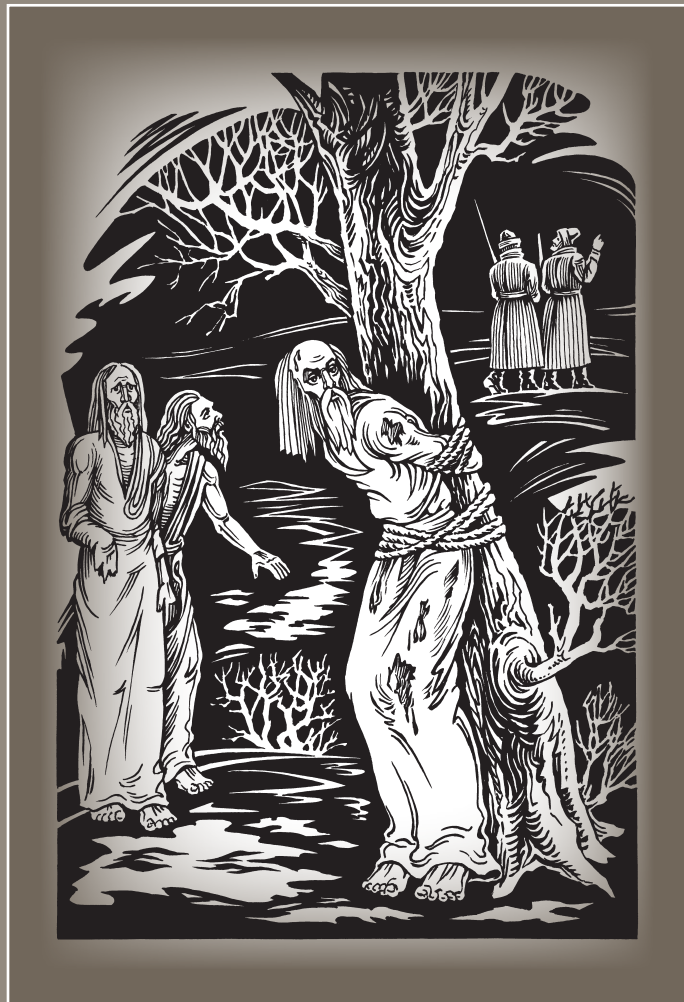
— Смотри, шагает полуголова!
— Вот именно, что полу...
— Попридержи опасные слова.
— Что, зенки долу?
— Он тоже врач, здорового залечит.
— Да поостынь, найди словца полегче.
— Что, сраный веник, прикусил язык!

Полуголова: Как там Аввакум?

Стрелец 1: Жив ещё старик.

Полуголова: Не долго всем им.
Новый царь указом
Велел еретиков поджарить на костре.

Стрелец 1: Да не моргнём и глазом!

Стрелец 2: Да хоть и на заре!

Стрелец 3: И всем в Москву свалить!

Полуголова: Скорей в Сибирь.

Стрелец 1: Кафтан истёр до дыр.

Стрелец 3: Так новый стырь!

Полуголова: Да. Всё-таки — в Сибирь!

Стрельцы уходят, появляются Епифаний и Аввакум, они идут к темнице Феодора.

Феодор (не видит идущих):

Тын ледяной, да сов полярных вздохи.
Аз весь в крови, дымлюсь, как головёшка.
Отделали стрельцы меня. За что?
За то, что Аввакуму не по нраву!

Епифаний (ещё не видит избитого и привязанного к тыну Феодора):
Полегче с Федькой, всё ж твой сын духовный!

Аввакум: Вот именно!
А разумом — греховный.

Епифаний: Он, как и ты, не ведает смиренья.

Аввакум: Испорченное Божие творенье!
Учал блудить. Из старых книг набрал,
Что, видно, дьявол в них подтасовал.
Отец, ты не склоняй меня к прощенью,
Святая распря требует отмщенья.
Аз тайны неба знаю.
Мне дано!

Епифаний: Смири гордыню. От неё темно.
(В сторону.)
Свят Аввакум.

Он выстрадал своё.
А Феодор
По книгам слово вьёт.
(Вслух.)
Твои стрельцы его едва не погубили!

Аввакум: Смотри, а вот и он! Здоров и в силе.

Феодор: Насилу выбрался. Вода через чертог
Текла.
Её стрельцы пустили,
Затем ограбили, схватили и избили.
Да, любит меня Бог!

Епифаний отвязывает Феодора, оба ведут его в темницу Аввакума.

Аввакум (к Феодору):
Двенадцать лет веду с тобою спор.
Хитёр в Писании!
Себя перехитришь.

Епифаний: Остёр ты в сочиненьях, Феодор,
Но мил ты нам вполне,
Когда молчишь.

Аввакум: О Троице, о Духе, что сошёл
На всех апостолов — учеников Христа,
Ты говоришь, как греческий осёл.
А истина — она не так проста.

Феодор: Что ополчились! Я ж за старину!
Одни мы книги светлые читали,
Одни нам начертал Господь скрижали,
А вы всё лаетесь, вы начали войну
Со мною, с моим выверенным словом.
Зачем так поступаете сурово
И бестолково?

Епифаний: Так достало сил
На сушу выбраться!

Феодор: Рука моя крепка.

Епифаний: Не поднимай её на старика!
Иначе прокляну...

Аввакум: Ты, Феодор, из книг
Взял то же самое, что Никон-еретик.
И, значит, хоть страдалец и союзник,
Но бес тебя по маковицу грузит.
Со мной тягаться — молод ты ещё!

Феодор: Да не тягаюсь я, не надуваю щёк.
Один нам Бог судья.

Аввакум: Вот то-то!
Не примет Он тебя.
Ажеца и остолопа.

Феодор: Почём ты знаешь?

Аввакум: Бог сказал во мне.

Феодор: Во мне Он говорит совсем иное:
Мы оба дело делаем святое.
И оба мы нужны родной стране.

Епифаний (в сторону):
Мы все спорим в одном огне.

Феодор (Аввакуму):
Ты разорвать своих врагов готов,
Но, Аввакум, плохой ты богослов.
Когда ты вдохновен, когда в ударе —
Глух и неистов, как презренный Арий.
Но истина прекрасна и проста,
Вся — в богочеловечности Христа.
Так не рядись в порфиру Саваофа.

Аввакум: Аз — гол, а ты в отрепьях философа.

Епифаний (примирительно, к Аввакуму):

На исповедь пора, мой сын духовный.
Нет средь живых, кто был бы безгреховным.

Уходят в темницу к Епифанию.

Феодор: Да, дело худо... Вижу с неба свет,
Хрусталь и солнце смешаны в нём крепко.
Мне с этой красоты не сделать слепка.
И не рассудит Новый нас Завет.

Лазарь (входит):

Ты с Аввакумом, Федька, помирись,
А то становишься, поверь попу, несносен.

Феодор: А если он о Троице вновь спросит?

Лазарь: Не отвечай, но Троице молись.

Феодор: Крут Аввакум! Когда б ещё и прав
Он был в своих великих сочиненьях,
Когда бы с истиною сочетался нрав,
Я был бы в полном восхищенье.

Лазарь уходит, Феодор один.

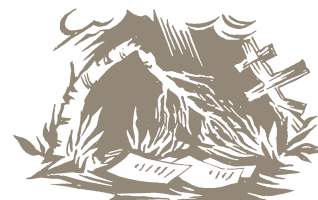
Эх, жизнь моя! Среди своих — не свой.
Для мира мёртв, для них — полуживой.

Среди времён, тяжёлых, как назём,
Найдётся ли свирепее, чем ныне?
Ты помоги мне, праведный Максиме,
Что Исповедником мы в Четиях зовём.
О Боге книгу я пишу. Да так ли?
Иль прав горюн и вождь наш Аввакум?
И сквозь тысячелетний жизни шум,
Мне слышится:
«Ты не солгал ни капли!»
Да, Аввакума несомненный грех
Развеет время в прах,

Простится заблужденье
За яркое, за жаркое горенье.
Примером верности останется для тех,
Кому Господь дарует воскресенье.

(Плачет.)

Погребён я некоторое лето...
Чем могу православным помочь?
На три века спускается ночь,
Сладость только от Божьего света.
Знать грядущее — хуже всего,
Коль оно неизбежно случится.
А душа, ослеплённая птица,
Далеко улетит, далеко...

СОЛОВЕЦКИЕ СТАРЦЫ

Егда убо воевода на взятие монастыря ко стенам приступаша, егда предатель време подобна, еже внутрь киновии въвести воинство... Патриарх ожесточися паче камене, не смотряше цареви болезни пламене, увери царя милость ко отцем отложити, хотя место святое кровию облити.

«Повесть об осаде Соловецкого монастыря»

Старец: Леса Заонежья прошли
И болота Мезени,
Крест осьмиконечный
Весь путь нас от бесов берёт.
И вот Пустозерье!
Не встали отцы на колени.
Устами святыми вещает нам истину Бог!

Аввакум: Какую, старцы, весть нам принесли
На неприятный край отчаянной земли?

Старец: Из Соловков, которых уже нет,
Наш обречённый протянулся след.

Епифаний: Мне Соловецкий монастырь —
Родимый дом.
Вас узнаю.
А кто остался в нём?

Старец: Всё кончено.
Остались только вы.
Все девяносто пушек замолчали.
Гонец царя указ вёз из Москвы:
«Оставить старцев!»
Нас уж не застали.
Пал монастырь.

И помер господин
Всея Руси.
И новый царь на троне.

Епифаний: О грозный соловецкий исполин!
Мы плачем с вами и мечту хороним.

Аввакум: Пока мы живы — вера не мертва.
Когда сторим — останутся слова.
Поведайте нам про свою беду.

Старец: Тела страстотерпцев на кольях, на льду.
Кто крест нёс — добили и скинули в ров.
Кровавые глыбы промеж жерновов.
Живых в иордань ледяную спихнули.
Верёвки, нагайки, да сабли и пули.
Бежала нас горстка в леса Обонежья.
Не будет уж Русь православной, как прежде.

Епифаний: Что же, моя страна,
Ты переменишься разве?
Между врагами — война,
Между своими — распря.

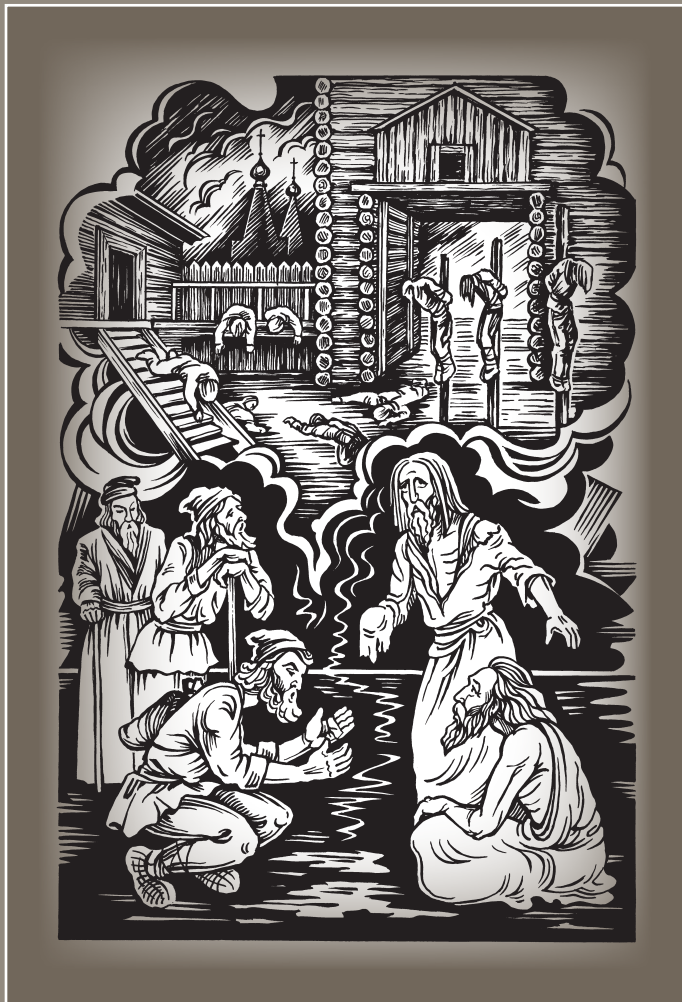
Аввакум: Коль надвое царство расселось —
То смерть.

Епифаний: Такого посева
Не ведала твердь!

Старец: Царёвы полки и досюда дойдут.
Причастники святости, скоро ваш суд!

Аввакум: «Аще бы не были борцы,
Не бы даны быша венцы!»

Старец: Храним обычаи благие
И в добрые, и в злые дни.

И даже если мы седые,
Господь, в нас силы сохрани!
(Уходит.)

Аввакум (к Епифанию):

Не сам сожжёшь себя —
Так ведь враги сожгут.
Придут к тебе в стрелецком облаченье,
Киновию, духовный твой редут,
В прах обратят, как хворост, как поленья,
Что на зиму последнюю припас.

Епифаний: Себя сгубить?

Аввакум: Иначе сгубят нас.

Епифаний: Но это смертный грех — самосожжение!
Не лучше ли смиренное моление?

Аввакум: Одна природа тленья и горенья,
Так что тянуть?

Епифаний: Готов я потянуть,
Коль это к Богу непреложный путь...
Нас спрашивают странники с Урала:
Сжигать себя иль нет?

Аввакум: Такая жизнь настала,
Что дьявола пожар
Тушить нам встречным палом.

Епифаний: Мне страшно, Аввакум, пугаешь ты меня.

Аввакум: Не бойся, друг, священного огня.
То счастье и несчастье,
Кресало и кремь —
Две части.
(Изображает удар кресала о кремь.)

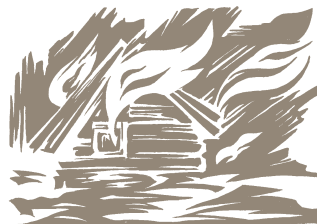
Епифаний: Да, вспыхнем в одночасье...

Аввакум: И сменим ночь на бесконечный день!

Епифаний: Самоубийственны по всей России гари.
Поволжье, Север и Сибирь — в пожаре.
Грех восторгаться нам самосожжением.

Аввакум: Бесстрашию — моё благословение.
За благоверие нам жизнь отдать пора.

Епифаний (в сторону):
Так комары летят в огонь костра.

СОЖЖЕНИЕ.
1682 ГОД, 14 АПРЕЛЯ

*Выпросил у Бога светлую Росию сатана, да же очервленит ю кровию
мученическою.*

Аввакум

Стрельцы: — Из-за Урала приходили ныне
До старцев наших горе-ходоки,
И на устах — «Аввакум!» — имя.
— Со всей страны я видел здесь таких.
Всё спрашивали: гибнуть ли в пожаре?
— Теперь так много добровольных гарей.
— И что он им ответил?
— Дал добро.
— Не избежать нам на Руси костров!
— Осьмиконечных много здесь крестов.
— Не каждому дано лежать под домовиной.
— Костры сыры.
— Эвон, пошла дымина!

Между тем в темнице Аввакума.

Епифаний: Пока мы живы, что о нас глаголить!

Аввакум: Да! Скоро быть на огненной нам воле.

Епифаний: Ты говоришь и с Богом, и с царём,
И к Богу вёл царя за белые ручки.

Аввакум: Прилип он к новой Церкви, словно к сучке,
Не оторвать!

Епифаний: Что в нынешнем найдём?
Вослед отцу он на златом престоле.

Аввакум: Не поднесёт, зная, он нам хлеба с солью.
От власти власть недалеко отходит,
На вечной мы окажемся свободе.

Епифаний: Увечны на земле и вечны в небе.
Там нам не думать о питье и хлебе.
Порой печалюсь я: зачем покинул келью?
Молился б Господу аз под седою елью.

(Шепчет.)

В кинонии скромной
Лишь крест да икона.
И вечный, огромный
Дом до небосклона.

Никто не мешает
Молиться и плакать...
Глубинка лесная,
Резная палатка.

Не любо мне править,
Вести за собою,
А любо мне славить
Исуса с любовью.

Аввакум: Мы — разные, но радуемся вместе,
Ты в доброте своей,
Я в справедливой мести.
Святое чувство ярости во мне,
Тебе ж достаточно иконы на стене.

Епифаний: Боже! Играет икона красным оконцем!
Снова и снова Ты смотришь и смотришь в мой дом.
Ликом нарядным вокруг нас и небо, и солнце
В пламени вечном
Над расступившимся льдом.

*Оконце темницы охватывает пламя... Вид на Пустозерье сверху:
все четыре сруба пылают, горожане видят, как в небо поднимается
дым, который, по слухам, был схож очертаниями с Аввакумом и его
соузниками. Звонят колокола всех церквей.*

Голос Аввакума: Ты трогаешь надгробную плиту,
Пытаясь надпись пальцами прочесть.
Я ж вижу это! Прекрати тщету,
Ведь не под нею аз таюсь, а здесь,
Где можно видеть сердцем и душой,
Аз в воздухе твоём, не под плитой.

Минует всё — и надпись, и цифирь —
Всё будет ровным местом на земле,
Мезень и Пустозерье, и Сибирь —
Все станут светом, кто сгорел, истлел.
Но ты увидишь и тогда меня,
Повитого плетением огня.

Так не сердись, на память не косись.
И не пытайся даты различить.
Рождение и смерть — ещё не жизнь,
Ещё играют вечности лучи,
Столетия людей — такой пустяк!
И даже «Житие» — всего лишь знак.

Оно — лишь повод говорить со мной,
Лишь утоление слабое тоски,
Такое мог бы сочинить любой...
Прочти же от доски и до доски.

(Голос растворяется.)

Не в земле
И не под небом.
Собою их соединяя,
Сам стал
И небо,
И земля.

Некий старец: Дождёмся ли поры весенней?
Прощайте! И — до воскресенья!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

14 апреля 1682 года союзники были сожжены «за великия на царский дом хулы».

Картина современного состояния места сожжения страстотерпцев за староверье: нет ни тюрьмы земляной, ни самого пустозерского острога. Лишь вырисовывается два резных столба как знак двоеперстия и домовина, как у старообрядческих надмогильных крестов. Этим двоеперстием благословляются все паломники. Есть и надпись: «Протопоп Аввакум, союзники — отец духовный инок Елифаний, поп Лазарь и дьякон Феодор». Они сгорели на одном костре.

ИЗ КОРНЯ ОДНОГО, ИЗ ЧИСТОЙ ГЛУБИ СЕРДЦА

Послесловие к поэме Виктора Петрова «Аввакум. Распря»

Не однажды в истории Руси предпринимались внешними силами настойчивые попытки переиначить русский уклад, сломать живую русскую матрицу и на её место поставить распорядок западный, обыкновение рациональное. По существу, речь шла о завоевании Русской земли средствами умственных, а не силовыми, мировоззренческими, а не военными. Наверное, только Крещение Руси оказалось органичным для здешнего человека, хотя и остались вопросы, на которые мы вынуждены отвечать по наитию, по видениям древней памяти, порой мелькающим в нашем измученном цивилизацией уме. В первую очередь это взаимоотношения православного русского с природой. Тем не менее представить сегодня нашего человека вне Православия практически невозможно, и пугающий облик его вне веры в Бога точными красками обозначил ещё Достоевский.

Эпоха раскола Русской Церкви на старую и новую аukaется в течение многих веков ещё и потому, что в те давние времена было поколеблено, кажется, само основание русской жизни. Буква обновлённого духовного закона внедрялась в мироощущение верующего люда безжалостными способами, в полном забвении Христовой заповеди о любви к ближнему. Самую обшую кальку этого процесса мы наблюдаем и в картинах Петровских преобразований, и два с лишним века спустя в перекровке на социалистический лад старорежимного гражданина в революционные десятилетия, и в подавлении всего почвенно-русского в постсоветские годы... Стоит сказать, что народ русский через мучения и кровь воспринимает новые правила — и постепенно превращает чужое в своё, вполне самобытное. Но цена такого во многом безжалостного процесса велика, потери людские — чудовищны. Между тем каждое следующее русское поколение относится к противоречивому наследию отцов и дедов уже спокойно и непостижимо исполняет требования

следующей эпохи с поправками на прошлую жизнь, на историю, которую считает теперь не навязанной, но своей. В этом слышится мудрое пушкинское отношение к наследию Петра I, которое стоить воспринимать как удивительную особенность русского ума и русского сердца.

Поэма Виктора Петрова «Аввакум. Распря» выглядит как драматургическое произведение. Пожалуй, только так можно передать личностное противостояние протопопа Аввакума и патриарха Никона, которое во многом и определило все события Раскола. Убеждённость главного защитника старой веры, его жертвенность и понимание себя как воина Христова оттеняются самолюбием Никона, его гордыней и стремлением настоять на своём, желанием встроиться в иерархию Вселенской Церкви на скупых условиях, предлагаемых Западом. Казалось бы, в прежние годы единомышленники, теперь они — непримиримые враги. Не случайно Аввакум, предчувствуя кровавые методы внедрения церковных реформ, произносит многое определяющую формулу: «Спас на родовой крови». Русская органика, сохранившая себя после Крещения, теперь безжалостной рукой вырезается из национального тела, и невидимый земным оком храм, поставленный на необъятном месте этой трагедии, в своём наименовании соединяет прошлое и настоящее, стремление в Небеса и страшную цену, которую народ должен заплатить за свой завтрашний день.

Примечательны многие мизансцены и психологические характеристики главных действующих лиц этой поэтической драмы. Скоморохи, как будто порицающие власть и зло над ней смеющиеся, оказываются в более выигрышном положении, чем протопоп Аввакум, строгий в словах и упрёках, но искренний в своих убеждениях.

Тишайший царь Алексей Михайлович в духовном отношении видится фигурой колеблющейся, существом непоследовательным — как в умозрении, так и в человеческих чувствах. Отчасти он напоминает Понтия Пилата в судьбоносный момент его биографии.

Стрельцы готовы предать Аввакума смертным мукам, а много позже относятся к нему едва ли не с почтением. Одни соратники мятежного протопопа смиряются и переходят

в стан Никона, другие — идут до конца, хоть и спорят меж собой, и испивают смертную чашу в изуверском костре, устроенном в Пустозерске по приказу молодого царя.

И только Никон пребывает в неизменном душевном состоянии гордыни и оболыжения, которые владеют им даже в период удаления от двора. И рядом — восточные патриархи, склонный к униатству малороссийский книжник Симеон Полоцкий — надменные противники естественного, а не приказного существования Русской Церкви.

Казалось бы, пусть русская Вера избирает для себя подготовленные всей предыдущей жизнью пути развития. Потому что нет бесспорных правил в церковном укладе, и всякое выравнивание отечественного богослужебного лекала по образцу иноземного неизбежно привносит уже чужие ошибки и пристрастия на старую почву.

Главная мысль поэмы Виктора Петрова — излом русского мироощущения, продиктованный западным умом и реализованный здешними начётчиками и тщеславными властолюбцами. Совсем не случайно автор обозначил поэму об Аввакуме как «распрю». В этом слове скрыт знак прежних добрых отношений враждующих сторон, которые однажды разъединились, разбив целое, сложившееся в веках. Не отменяя историческое обозначение «Раскол», поэтический образ распри вносит важные оттенки как в детали прошлого, так и в картины настоящего. Потому что сегодня фоном жизни русского народа стала великая семейная распря, в ходе которой осыпаются прахом родственные связи и самые лучшие чувства вчера ещё близких людей.

В сюжете пунктиром даны главные страницы мученического пути протопопа Аввакума и его сподвижников. Показаны с врачебной жестокой отчётливостью физические страдания главных героев и социальные коллизии. Но есть ещё один ракурс происходящего: Небесное участие в земных бедах и лишениях защитников старой веры.

Неразличимый в темноте ангел приносит Аввакуму в застенок ломоть хлеба и миску со щами. Епифаний, у которого дважды усекали язык и отрубили правую руку, рассказывает протопопу, как он мастерит кресты. Безъязыкий дьяк Фёдор спорит с Аввакумом. Это ли не абрис тихой Божьей помощи страстотерпцам в минуты горечи, тоски и бессилия...

Старообрядцы претерпели жесточайшие испытания, которые впору сравнить с долей православных священников в годы красного террора. Своим духовным подвигом, способностью пойти на любые жертвы за веру отцов они фактически сняли все книжные упрёки, предъявленные им сторонниками обновления церковного уклада. Русская Церковь притерпелась к навязанным ей правилам и приобрела с десятилетиями и веками внутреннее равновесие и непротиворечивость многих своих внутренних установок. Непререкаемый духовный авторитет русских святых уже после Раскола подтверждает принадлежность нашей Церкви Телу Христову и вчера, и в текущие дни.

Сегодня важно найти линии соприкосновения старой веры и нового обряда, приложить все силы для того, чтобы исторический шрам, оставшийся после давней трагедии, наконец, исчез. В поэме Епифаний обретает свой отрезанный язык по молитве — он растёт «...Из корня одного, из чистой глубины сердца. / Пощупай, разве чувствуется стык?».

Жанр поэтической драматургии в последние десятилетия утратил многие художественные достижения предшествующих эпох. Интонация героев сюжета всё более стала походить на слегка изменённую речь автора, а задача показать лица и потаённый облик персонажей как будто перестала интересовать нынешних стихотворцев. Однако такое положение вещей представляется временным, оно изменится, когда чужая судьба окажется для поэта куда интереснее собственной. Речь идёт о возвращении в русскую литературу поэзии эпического начала. Это время уже не за горами — годы яростной либеральной атаки на всё героическое в русской истории постепенно уходят в прошлое. Но и теперь мы можем соприкоснуться с высоким духовным порывом наших мучеников и подвижников в исторических полотнах лучших отечественных поэтов. Среди них — Виктор Петров и его творение о драме Раскола.

Вячеслав Лютый,
председатель Совета по критике
Союза писателей России

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

7

АВВАКУМ. РАСПРЯ

- 13 Лирическое вступление
- 15 С чего начиналось. Встряска
- 22 Москва. Андроников монастырь
- 27 Москва. Пря Никона и Аввакума
- 33 Кремль, Сибирский приказ. Аввакум и Савватий
- 39 Сибирский приказ. Аввакум и Анастасия
- 43 Сибирская ссылка. Даурия
- 47 Аввакум. Казаки
- 51 Казаки на марше
- 55 В обратный путь
- 57 Москва. Кремль. Царские палаты
- 62 Москва. Аввакум. Фёдор юродивый
- 68 Москва. Чудов монастырь. Суд Вселенских патриархов
- 74 Воробьёвы горы
- 78 Пустозерье. Плаха на площади. 14 марта 1670
- 84 Аввакум и стрельцы
- 86 Аввакум и Епифаний
- 93 Лазарь и Феодор
- 95 Подарок Епифания
- 97 Четыре темницы
- 101 Аввакум. Письмо на Мезень
- 103 Четыре темницы. Епифаний
- 109 Четыре темницы. Лазарь
- 112 Четыре темницы. Феодор
- 120 Соловецкие старцы
- 125 Сожжение. 1682 год, 14 апреля
- 128 Послесловие

ИЗ КОРНЯ ОДНОГО, ИЗ ЧИСТОЙ ГЛУБИ СЕРДЦА

130

АВВАКУМ. РАСПРЯ

Виктор Петров

Петров В. М.

П 30

Аввакум. Распря / Редактор В. Ф. Кирюшин; иллюстрации: А. Г. Шибанов; дизайн: В. Е. Валериус. – Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2021. – 136 с.; илл.

ISBN 978-5-98178-132-2

Драматическая поэма Виктора Петрова «Аввакум. Распря», несмотря на историческую основу, остро современна. Написанная к 400-летию со дня рождения «неистового протопопа», она не просто иллюстрирует события церковного раскола, но раскрывает саму природу раздоров и противоречий среди людей, равно любящих Россию. Пафос поэмы – в страстном призыве к единению во имя утверждения в полноте дарованной нам от предков жизненной мощи.

УДК 821.161.1-121

ББК 84(2=411.2)6-51

Редактор

В. Ф. Кирюшин

Техническое редактирование и верстка

Е. В. Яковенко

Общественный

благотворительный фонд

«Возрождение Тобольска»

625152, Россия, Тюменская область,

г. Тобольск, ул. Свердлова, д. 34/1

Телефон/факс +7(3456) 24-67-50

Сайт: www.tobolsk.org

e-mail: elfimov_fond@mail.ru

Изготовлено:

ООО «Новые решения»

Телефон +7 (495) 923 4567

e-mail: asnit@inbox.ru

ISBN 978-5-98178-132-2

9 785981 781322